

Стефания Дарк

Леди не ИЗМЕНЯЮТ!

Но это неточно

Стефания Дарк

Леди не изменяют! Но это неточно

«Автор»

2026

Дарк С.

Леди не изменяют! Но это неточно / С. Дарк — «Автор», 2026

«Я готов к дуэли. Но готовы ли вы к позору?» Викторианская Англия, остроумная попаданка, два горячих джентльмена и море пикантных ситуаций. Что делать, если искры летят от прикосновений обоих? Что, если один - опасен, а другой - подозрителен? Что, если ты - попаданка, которая с пробором клала на викторианскую мораль, викторианское ханжество и викторианские условности? Ромфант с детективной интригой и нарастающими ставками в отдельно взятом поместье: драма, саспенс, любовные сопли и юмор, смешать и не взбалтывать. Вас ждут: Адекватная героиня, попавшая из огня да в полымя Муж-кобель со своими актрисами Осмотры у очень симпатичного доктора Светские сплетни и таинственные письма Панталончики с разрезом Кареты, падающие в Темзу; мрачный парк с тёмным прудом; тяжёлая дверь в полуразрушенную башню и светские гостиные... И романтика, разумеется: от слоубёрна до бешеной страсти что, сразу с двумя красавчиками? А так можно, да? Леди Эдит можно всё!

© Дарк С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Вспышка. Глава 1.1. Гражданин милорд	5
Глава 1.2. Не любовница, а актриса	8
Глава 1.3. Шелест шёлка и явление баронессы Уитон	11
Глава 1.4. Не дочь, а сущее наказание!	13
Глава 1.5. «Доктор вам поможет»	16
Глава 1.6. Упс, промашка! Коварный гардероб	18
Глава 1.7. Без паники! Это семейный ужин	20
Глава 1.8. Этикет и пощёчина	22
Глава 1.9. Тёмная сущность в Блэквелл-холле. Я под подозрением	25
Глава 1.10. Ненадёжные рассказчики. Эффект Расёмона	27
Глава 1.11. Обыск	29
Глава 1.12. Сожжённое письмо	31
Часть 2. Яд	33
Глава 2.1. Два глотка горячего шоколада	34
Глава 2.2. Ледяная ванна	35
Глава 2.3. Регулы – новое слово в моём лексиконе	38
Глава 2.4. А давайте, доктор...	40
Глава 2.5. Есть в старом парке чёрный пруд...	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Стефания Дарк

Леди не изменяют! Но это неточно

Часть 1. Вспышка. Глава 1.1. Гражданин милорд

Вспышка.

Я моргнула, и мир изменился. Только что передо мной был монитор с таблицей продаж, кружка с остывшим кофе и начальник, который в третий раз объяснял мне, упрямой и неразумной, почему финансовые махинации – это не махинации, а крохотная такая, ну совсем незаметная оптимизация. Я же объясняла ему, что это он налоговой будет доказывать, а может быть, и следователю, а может, неприметным людям в штатском.

А теперь перед глазами – потолок с лепниной, три окна с решетчатым переплётом, тяжёлые золотистые шторы и испуганное лицо девушки в чепце.

Я медленно повернула голову, но, вопреки надеждам, офиса не обнаружилось и там. Зато мой взгляд, скользнув по ещё одной горничной, упёрся в мужчину совершенно неофисной наружности. «Он что, трудился на съёмках сериала о викторианской Англии и не успел переодеться?» – мелькнуло в мыслях. И смотрел этот джентльмен на меня так, будто я нарушила сразу три кодекса – административный, уголовный и процессуальный.

– Миледи?..

Голос был мужской, негромкий, но в нём слышалось такое напряжение, что тон окончательно привёл меня в себя.

Я попыталась ответить и обнаружила, что во рту пересохло настолько, будто я всю ночь песком его полоскала. Провела языком по нёбу, сглотнула и осознала ещё одну странность: мне было тяжело дышать. Что-то очень тугое сдавливало меня от груди до талии, не позволяя сделать нормальный вдох.

Пошевелилась-то я пошевелилась, но тут же пожалела об этом. Тело отозвалось ворохом незнакомых ощущений. Ладонь холодила шуршащая ткань, тяжёлые волосы были стянуты – и это вместо моего короткого каре, плюс ещё что-то настолько неудобное впивалось в талию, что хотелось немедленно это сорвать.

Я рёбра сломала, что ли, и меня в медицинский корсет упаковали? И вообще все мышцы, от пальцев на ногах до век, – будто каменные...

Ну-ка, попробуем-ка приподняться... Получилось примерно как у человека, которого запыхнули в футляр, а инструкцией, как выбраться, снабдить забыли. Но мышцы постепенно оттаивали, отчего всё тело начало адски колоть. Так бывает, когда ногу отсидела-отлежала и она занемела. А тут эти «восхитительные» ощущения – да по всему телу.

Девушка в чепце испуганно подалась ко мне, но мужчина остановил её взглядом.

– Миледи, вы в порядке?

Спросил он это сдержанно и буднично, но на последних словах его голос едва заметно изменился.

Я посмотрела на незнакомца внимательнее. Передо мной стоял высокий, темноволосый, щегольски одетый мужчина лет тридцати с небольшим. Сюртук, или как называется этот рек-визит из костюмерной, сидел на нём как влитой. Наверняка его шили так, чтобы его хозяин мог производить впечатление джентльмена с безупречным вкусом. И лицо тоже было под стать одежде: холодные глаза серыми льдинками сияли под тёмно-каштановой шевелюрой, а правильные черты были словно высечены из мрамора.

Единственной неидеальной деталью были чуть заметные круги под глазами – видимо, ночь была беспокойной. А тут ещё и я, похоже, подкинула проблем. Глядел он на меня так, будто перед ним предстало привидение.

Интересно, как меня занесло на съёмочную площадку?

Я снова попыталась вдохнуть поглубже, но корсет немедленно напомнил, что у него на этот счёт имеются собственные планы.

– А чёрт его знает, – честно ответила я.

Незнакомец, занявший место моего гендира, буквально минуту назад выносившего мне мозг, замер от такого признания. А служанка так и вовсе приоткрыла рот.

Что ж. Когда-то я свалилась за борт яхты и точно так же обнаружила, что привычные способы дышать, думать и существовать внезапно перестали работать. Тогда я довольно быстро поняла простую вещь: паниковать будем потом. В воде же надо барахтаться.

Я решила придерживаться проверенной методики. По крайней мере, пока не выясню, почему на мне длинное платье вместо привычного брючного костюма, почему я не могу нормально ни вдохнуть, ни пошевелиться, и почему совершенно незнакомый мужчина называет меня миледи.

– Вы в порядке? – повторил он уже тише. – Я, пожалуй, велю съездить за доктором.

В его голосе звучала растерянность. Он словно пытался понять, что именно со мной происходит, и чем дольше смотрел, тем меньше ему нравился ответ.

Я попыталась ещё раз принять более удобную позу, на этот раз не торопясь, и девушка в чепце тут же шагнула ко мне, намереваясь помочь. Я остановила её жестом и, ухватившись рукой за край кресла, всё-таки устроилась полусидя. Получилось не особенно грациозно, зато хотя бы дышать стало немного легче.

– Не надо на меня так смотреть, – сказала я, поймав её взгляд. – Я пока не умерла.

Девушка побледнела так быстро, что мне стало даже неловко. И перекрестилась.

Мужчина, напротив, нахмурился ещё сильнее.

– Никто и не говорил, что вы умерли.

– Ну и отлично. А то по вашим лицам я уже начала подозревать обратное.

Он посмотрел на служанку, потом снова на меня. Наконец, на его лицо вернулась маска невозмутимости. Надеюсь, на мне была надета такая же. Мы оба, похоже, пытались разобраться, что же тут такое приключилось, только исходных данных у меня было заметно меньше.

– Вы помните, что произошло, миледи?

– Последнее, что я помню, – что я вкалывала на нашей офисной плантации.

Мужчина молча буравил меня взглядом.

– Потом, видимо, очень резко закончился рабочий день.

Вторая девушка, у окна, тоже едва заметно перекрестилась. Я покосилась на неё.

– Я что, так сильно похожа на приведение? Или у меня рога за ушами выросли?

Горничная взмахнула руками:

– Господь с вами, миледи! Что же вы такое говорите!

Мужчина провёл ладонью по подбородку и, кажется, окончательно убедился, что происходящее ему не нравится.

– Миледи, у нас нет плантации, – произнёс он наконец. – Мне кажется, у вас, как сказали бы доктора, некоторая спутанность сознания. Слышал, что такое бывает после горячки или сильного потрясения. Я немедленно пошлю за доктором Говардом. Пока же все, что я знаю – вам стало плохо после чая. Когда вы лишились чувств, миледи, сразу же послали за мной.

– За вами... эээ... милорд?

«Молодец, – похвалила я себя. – Стрессоустойчивость на высоте, не зря в нашей фирмёшке два раза маски-шоу устраивали. И обратилась я к этому гражданину милорду, кажется, тоже правильно. Держись, детка, нервничать будешь потом».

Гражданин милорд передёрнул плечами.

– Естественно, за мной.

– Но почему?

Босс очень не любил такие вопросы, особенно когда я интересовалась, что это за странная строка в закупках. Кажется, этот мужчина тоже. Он на секунду замолчал, словно вопрос выбил его из колеи. Потом едва заметно пожал плечами:

– Потому что я ваш супруг.

Я уставилась на него. Несколько секунд в комнате царила такая тишина, что я слышала, как за окном поскрипывает ветка.

– Прекрасно, – наконец произнесла я. – Значит, я наконец-то вышла замуж. Неожиданно.

– Да, вы вышли замуж и ведёте себя совершенно неподобающе! – внезапно взорвался мужчина. – Нынешнее состояние я могу объяснить обмороком, вы ещё не пришли в себя... Энни, Бэтси, что вы тут замерли соляными столпами, как дочери Лота?! Где нюхательная соль?! Вы же видите, что мидели дурно... Да, видимо, именно этим обстоятельством и объясняется ваша... нервическая эксцентричность. Определённо нужно послать за доктором. Но если я могу объяснить ваше нынешнее состояние, моя дорогая, то вчерашняя сцена была совершенно из ряда вон.

Он грозно глянул на меня, а я внезапно поняла: да ты, дружок, сам сейчас на кипише, как говорили у меня там, и как наверняка не говорят здесь. Тут вообще говорят на каком-то странном английском, который я, что ещё более странно, понимаю как свой родной.

«Кажется, босс таки вынес мне мозги, – подумалось мне. – Только вопрос, куда их теперь занесло».

Но разбираться будем потом. А пока... Чего-то ты сильно боишься, вот и идёшь в наступление. Агрессия – лучшая защита, да?

– Хотелось бы понять, милорд, в чем вы увидели сомнительность моего поведения.

Давай, выкладывай, а я послушаю. Тебе слово, а мне пауза. Излагай, попробую оценить катастрофичность своего положения...

* * *

В следующей главе: Каким неимоверным оскорблением одеривает милорд свою миледи... и за что?! За то, что она посмела...

Понравилось начало истории? Поставьте #лайк, пожалуйста, мне будет ну очень приятно!

Глава 1.2. Не любовница, а актриса

Глава 1.2. Не любовница, а актриса

Мужчина чуть приподнял бровь, словно подобной любезности от меня никак не ожидал, а затем прошелся по комнате. Затем заговорил, пристально глядя на меня и тяжело роняя слова, как булыжники.

– Вы устроили сцену в гостиной, – произнёс он уже спокойнее, хотя раздражение никуда не делось. – В присутствии слуг вы обвинили меня в том, что я... общаюсь с дамой полусвета.

- Ммм? – протянула я.

- Да! – мужчина, оказавшийся не только моим супругом, но и кобелем, резко рубанул рукой воздух. – Откуда вы вообще знаете о такого рода... дамах?! И как у вас язык повернулся это произнести?! Впрочем, после сегодняшнего «чёрт его знает» я уже склонен думать, что взял в жёны... взял в жёны... дочь сапожника, а не барона!

Он грозно воззрился на меня, видимо, ожидая, что я снова рухну в обморок, теперь уже от оскорбления. Но я никуда больше падать не собиралась, поэтому он вздохнул, словно разъяснял очевидные вещи ребёнку, и продолжил:

– Мисс Белл является известной актрисой. И я не обязан перед вами оправдываться относительно моих знакомых.

– Конечно, милорд, – согласилась я. – Особенно если это просто знакомая.

Мужчина несколько секунд смотрел на меня, словно пытался решить, всерьёз ли я с ним соглашаюсь, издеваюсь или вообще не соображаю, что несу, ибо последствия обморока оказались гораздо серьёзнее, чем он предполагал. Наконец его взгляд скользнул к горничным, и те немедленно выпрямились, как кремлёвский караул у Мавзолея.

Я тоже взглянула на бедняжек – и почти физически ощутила, как им хочется куда-нибудь исчезнуть.

– Оставьте нас, – сухо кинул муж.

Одна из девиц, с фарфоровым блюдцем в руках, немедленно рванула к выходу из комнаты. Другая, с маленьким флакончиком, который она до этого подсовывала мне под нос, растерянно посмотрела на меня, потом на господина, поспешно присела в реверансе и вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Я проводила её взглядом. Оставаться с незнакомым мужчиной наедине в незнакомой комнате мне казалось не лучшей идеей, но выяснять отношения в присутствии перепуганных служанок было, пожалуй, ещё глупее. Супруг же тем временем отошёл к окну и стоял, заложив руки за спину, обозревая то ли двор, то ли сад. Со стороны можно было подумать, что перед ним сложная государственная проблема, требующая немедленного решения, а не жена, которая только что очнулась после обморока... и, будем честны, слегка не в себе.

– Недопустима сама мысль о том, что у меня может быть некая связь с дамой подобного рода, – наконец, продолжил он. – Недопустимо благородной леди вообще задумываться о том, что такие связи возможны. Но вы сделали нечто большее. Вы потребовали объяснений относительно мисс Белл в присутствии слуг!

Кивнув, мысленно прикинула масштабы проблемы. Да, это вам не внезапный визит налоговой, это драма посильнее «Фауста» Гёте. Ишь как негодует-то. Ладно, будем играть по правилам этого странного сценария. Вдруг тут видеокamеры? А если это вообще стрим? Впрочем, у меня уже крепла уверенность, что разыграем тут и не пахло. Хотя бы потому, что кисти рук были не мои. Густые волосы, сменившие моё каре, – тоже были не мои. И ещё тысячи мелких ощущений в теле просто вопили, что фразу «не в себе» следует понимать буквально.

Ну, по правилам, так по правилам.

– Ну что ж, раз теперь рядом слуг нет, извольте дать объяснения, милорд.

Он резко обернулся. Сквозь мраморную маску античного бога («А муж-то у меня красавец!», невольно отметила я) проступило выражение человека, которому очень хочется высказать что-нибудь резкое, но воспитание пока удерживает его от этого.

– Я повторяю: для вас нет никакого повода беспокоиться о чести нашей семьи. Гораздо сильнее честь семейства пострадает, если вы будете демонстрировать окружающим свои знания об... изнанке приличного мира. Но хуже того. Вы же не просто прилюдно обвинили меня в измене. Вы спросили, сколько ещё я намерен держать эту женщину на содержании.

– Уже интереснее, – прокомментировала я. – И сколько?

– Так вот, я отвечаю: вы не знаете отказа в нарядах, вы не знаете забот, а потому финансовые вопросы не должны появляться в вашей очаровательной женской головке. Равно как и непристойные мысли, недостойные леди. Возможно – я сказал возможно! – я и вознаграждал ту или иную актрису парой-тройкой гиней...

– Так актрис было несколько? – уточнила я.

Ну не удержалась, не удержалась.

– Но это было всего лишь небольшие комплименты таланту! Как чаевые, как аплодисменты. Что вы себе вообразили и где нахватались таких выражений – «на содержании» – ума не приложу. Откуда вам вообще знать, на какие средства живут падшие женщины? Что за сплетни вы собираете?

Милорд воззрился на меня с таким выражением, будто это я собирала донаты на Онлифансе, задирала юбки в парижском кабаре и искала Джека Потрошителя на свои булки в лондонских подворотнях, причём все и сразу, – а он меня уличил.

– Не ожидал я от вас такого, миледи, не ожидал!

Всё это меня почему-то очень сильно развеселило. Я ничего не знала об этом доме, об этом браке, об этой мисс Белл и даже о самой себе, но одно уже было совершенно очевидно: человек напротив меня очень хотел, чтобы я чувствовала себя виноватой. Настолько желал и жаждал, что готов был читать мне лекцию о женских головках, нарядах и непристойных мыслях вместо того, чтобы ответить на элементарный вопрос.

– Значит, я правильно понимаю, – протянула я, стараясь не улыбаться слишком откровенно, – что если джентльмен тратит деньги на актрису, это благотворительность, а если жена спрашивает, куда именно уходят деньги мецената, у неё начинаются непристойные мысли?

Пускай Вселенная и уволила меня с должности замгендира самым нестандартным образом, но бэкграунд-то куда девать? Ставим вопросы, докапываемся до сути. Тем более что я теперь связана с этим субъектом прочными юридическими узами. А вдруг тут тоже предусмотрена субсидиарная ответственность при банкротстве? Очень бы не хотелось вляпаться.

Красавец с сомнительными знакомствами посмотрел на меня с таким выражением, словно я только что с особенным цинизмом доказала полную несостоятельность собственного воспитания.

– Вы просто изумляете меня, миледи.

И замолчал, словно подбирая слова. А у меня сомнений уже никаких не оставалось: да, ему определённо было неуютно от нашего разговора. Эта беседа не просто раздражала моего мужа – ему было не по себе. Уж слишком быстро он переходил от спокойного объяснения к нападению, слишком старательно повторял, что не обязан оправдываться, и слишком часто возвращался к вчерашнему скандалу. Да вы же нервничаете, милорд! Вы однозначно нервничаете!

Я посмотрела на него внимательнее и вдруг подумала, что, пожалуй, прежняя леди не зря устроила этот скандал.

– А мисс Белл, – невинно уточнила я, – действительно всего лишь знакомая? Наверное, очень талантливая? Ммм, актриса?

Лицо гражданина милорда стало совершенно непроницаемым. Он резко пересёк комнату и распахнул дверь, но на мгновение остановился и обернулся.

– Я надеюсь, что впредь буду избавлен от подобных сцен. Запомните, миледи, если вам этого не объяснила родная мать: джентльмены не изменяют. Они лишь иногда позволяют себе расслабиться.

Я запомню.

Глава 1.3. Шелест шёлка и явление баронессы Уитон

После ухода мужа в комнату впорхнули Бэтси с Энни. Подозреваю, они грели уши у дверей. Девушки принялись хлопотать вокруг меня, крутиться, суетиться, и дуэтом настояли, чтобы я легла в постель. Я же, не видя особого смысла спорить с людьми, которые явно считали меня больной, позволила им раздеть меня, уложить и с четверть часа заботливо поправлять подушки.

Сама же тем временем пыталась собрать в голове хотя бы минимальную картину происходящего, и складывающийся пазл не очень-то мне нравился. Помимо творящейся тут семейной драмы, меня неиллюзорно беспокоило, а вдруг наш гендир воспользуется моим исчезновением и насхематозит?

Самая разумная часть моего «я» склонялась к тому, что мне уже вообще-то всё равно и «Гриша, разгребайся сам». Ещё одна часть пыталась оценить перспективы, точки бифуркации и узкие места текущей ситуации. Тут пришлось столкнуться с непредвиденными трудностями: мой мозг упорно пытался думать на местной версии английского, в которой точек бифуркации ещё не существовало. Обдумывая ситуацию, я периодически подтягивала русские слова из довыспышечной реальности, но они казались настолько чужеродными, что я окончательно убедилась: это таки не розыгрыш, не стрим и не квест-комната. О-ля-ля, леди и джентльмены. *Ipat moy inglish.*

Ещё одна, самая маленькая, периферийная часть сознания, периодически напоминала про существование мужа с актрисульками. Тоже проблема, кстати. Гинеи-то семейные.

Прийти в себя мне не дали. Я едва успела освоиться с мыслью о том, что у меня есть муж, причём сразу вместе с его любовницей, а то и не одной, как в комнату постучали. Вселенная решила меня сегодня не щадить: явился лакей и церемонно возвестил горничной, что «прибыли леди Уинтон и мисс Чекмес, желают видеть леди Блэквелл!»

Бэтси же, словно я была глухая или непонятливая, не менее церемонно передала мне, что внизу меня ждёт моя матушка с компаньонкой. Обеих дам уже проводили в гостиную и теперь ожидали, когда хозяйка дома сможет их принять.

Хозяйка дома? Ах да, это же теперь я.

Тут я на несколько секунд задумалась, а стоит ли мне вообще показываться гостям на глаза. С одной стороны, это люди, которые знали прежнюю леди Блэквелл много лет и могли рассказать мне о ней хоть что-нибудь. С другой... В том-то и дело: они знали прежнюю.

Если собственный муж смотрел на меня так, будто я вчера совершила покушение на основы британской цивилизации, то совершенно не исключено, что реакция матери окажется ещё более впечатляющей.

– Мне нужно к ним спуститься? – спросила я.

Бэтси с Энн переглянулись, и одна из них выбежала из комнаты. Однако, удобная у них тут мобильная связь. Не надо к тумбочке за смартфоном тянуться и пальцами в него тыкать. А то, что связь не очень быстрая – это в моей ситуации даже хорошо. Есть время на подумать.

Горничная вернулась довольно быстро и принесла ответ:

– Баронесса весьма обеспокоены и сказали, что предпочли бы увидеть вас здесь, миледи. После обморока вам не следует вставать с постели.

На слове «обморок» уголок её рта едва заметно дрогнул, а голос запнулся. Едва-едва.

– Хорошо, – согласилась я. – Пригласите дам ко мне.

Энни присела в реверансе и вышла, а Бэтси начала хлопотать, расставляя поудобнее кресла.

Только я успела принять вид женщины, которая изнурена нервическими потрясениями и не выпускает из ослабевших рук флакончик с нюхательными солями (ими меня заботливо

снабдила Бэтси), как за дверью послышались шаги, приглушённые голоса и шелест шёлка. Через несколько мгновений дверь распахнулась, и в комнату чинно всплыла высокая дама в безупречно сидящем платье сливового-пурпурного оттенка. Следом вошла её спутница – женщина лет тридцати пяти со спокойным лицом и очень внимательным взглядом, который сразу заставил меня насторожиться. «Неужели налоговая и здесь меня достала», – подумалось почему-то.

Баронесса Уинтон (я дочь барона, как сообщил муж, а это моя мать, как проинформировали слуги, так что выводы очевидны) остановилась посреди комнаты и несколько секунд молча на меня смотрела. Словно пыталась убедиться, что дочь жива, в сознании и вроде как вменяема. Потом её лицо дрогнуло, и в глазах мелькнуло такое неподдельное облегчение, что я почувствовала к ней искреннюю симпатию. Она за меня беспокоилась, это очевидно.

– Эдит!

Итак, это моя мать, приятно познакомиться. Точнее, мать прежней Эдит, но в данный момент разница представлялась исключительно теоретической. Женщина уже направлялась ко мне с совершенно материнским выражением лица, а на глазах её, могла поклясться, блеснули слёзы.

– Господи, дитя моё, – выдохнула она, опускаясь в кресло рядом с кроватью и беря меня за руку. – Ты так меня напугала! Альберт сообщил, что ты потеряла сознание, а после того, что произошло вчера...

Она осеклась и внимательно посмотрела на меня, словно проверяя, прошли ли у её дочери обморок, бред и прочие признаки помутнения сознания.

Мисс Чекмес также поздоровалась со мной, справилась о моём самочувствии, аккуратно присела и положила перчатки на край стола. «Боже, – мелькнуло в голове, – а ведь мне тоже придётся научиться садиться в этих криолинах. Хорошо, что я пока лежу». Вставать резко расхотелось. Бэтси тем временем принесла чай, поставила поднос и принялась разливать по чашкам напиток, чей аромат соблазнительно защекотал ноздри. Ну а я наблюдала за этой совершенно мирной процедурой с ощущением, будто попала в кабинет следователя, где мне пока ещё не предъявили обвинение, но уже приготовили список вопросов.

Я мысленно вздохнула. Похоже, будет весело.

– Что именно вам сообщил, матушка, мой дорогой супруг? – осторожно спросила я.

* * *

Спасибо всем, кто подписывается, комментирует и ставит лайки! Это лучшее топливо для вдохновения

Глава 1.4. Не дочь, а сущее наказание!

Баронесса взяла чашку, но пить не стала. Она держала её обеими руками, поглаживая большим пальцем тонкую линию фарфорового края.

– Ах, дитя моё. Альберт был чрезвычайно расстроен твоим поведением и совершенно справедливо ожидал от меня объяснений. Мне было так стыдно! Мы ведь с отцом дали тебе достойное воспитание. Никак не могу понять, что на тебя нашло и почему ты решила устроить столь безобразную, столь предосудительную сцену перед слугами.

Я чуть приподняла брови.

– На меня?

– Разумеется, на тебя, Эдит. Ты говорила с мужем в совершенно недопустимом тоне, задавала ему вопросы, которые порядочная женщина не должна задавать, и при этом, судя по всему, совершенно не понимала, какое впечатление производишь на окружающих. Неужели тебе самой не было неловко?

Мисс Чекмес, до этого молча помешивающая чай серебряной ложечкой – и делала она это совершенно бесшумно – чуть склонила голову.

– Судя по рассказу лорда Блэквелла, миледи была весьма решительна.

В голосе её не было ни тени возражения баронессе. Напротив, она произнесла это таким тоном, словно подтверждала крайне неприятный факт.

– Именно, – подхватила мать. – Решительна там, где следовало бы проявить благоразумие. Эдит, ты ведь понимаешь, о чём я говорю? Мисс Белл, этот разговор о её содержании... Фу. Как тебе вообще пришло в голову обсуждать подобное с мужем?

Я поставила чашку на блюдце.

– То есть вы знаете, что он ей... помогает?

Мать на несколько мгновений замолчала. Лицо её явило то выражение, что я уже видала у Альберта: будто не вопрос я задала, а наступила ей на палец с большой мозолью. Ещё чуть-чуть – и откровенно поморщится.

– Вот! – воскликнула она наконец. – Вот об этом я и говорю! Какой позор, Эдит, ну разве может леди опускаться до подобных обсуждений? И ты так упряма. Тут нет места для споров, не правда ли, мисс Чекмес? – компаньонка кивнула, меланхолично откусывая кусочек скона. – А ты опять за своё!

– Потому что мне хотелось бы понять, что именно я сделала неправильно.

– Всё неправильно, Эдит. Сам факт, что ты стала выяснять подобные вещи, уже был ошибкой. Мужчина может иметь знакомства, может оказывать кому-то покровительство, может тратить деньги так, как считает нужным, но жена не должна превращать это в предмет семейного разбирательства. Особенно если речь идёт о женщине, которая... – баронесса запнулась, подыскивая слова. – Которая не принадлежит к нашему кругу.

Да они тут просто мастера выбирать эвфемизмы.

Мисс Чекмес сделала маленький глоток чая и, не меняя выражения лица, заметила:

– Разумеется, миледи. В высшем обществе гораздо приличнее сделать вид, что ничего не происходит.

Мать удовлетворённо кивнула.

– Вот именно. Я всегда говорила тебе, дочка: не всякую правду необходимо знать и уж тем более не всякую правду необходимо произносить.

Я посмотрела на мисс Чекмес. Она спокойно поставила чашку обратно на блюдце и отстранённо принялась за скон со сливками, поглядывая в окно. Но у меня возникло стойкое ощущение, что это тихий омут всё впитывает, оценивает, измеряет и раскладывает в своей голове по полочкам.

Взглянув же на мать Эдит – то есть, получается, теперь уже на мою мать – я увидела человека, который совершенно искренне не находит никакой проблемы в том, что муж тратит семейные деньги на другую женщину... зато считает катастрофой сам факт, что жена посмела об этом спросить. И, судя по репликам мисс Чекмес, компаньонка баронессы прекрасно понимала, насколько нелепо всё это звучит, но давно научилась принимать правила игры с невозмутимым лицом.

И мне следует научиться.

Я осторожно взяла чашку, сделала глоток, и невольно прикрыла глаза от удовольствия. Есть всё-таки преимущества в моём новом положении. Чайную труху в пакетиках тут ещё не изобрели. Эта чисто физиологическая пауза была даже кстати: она дала мне несколько секунд на то, чтобы подобрать слова.

– Матушка, а что именно я должна была сделать? Если я правильно понимаю, вы считаете, что мне вообще не следовало разговаривать с мужем о мисс Белл.

– Конечно, не следовало, Эдит. Ты должна была промолчать. Я верно говорю, мисс Чекмес?

– Несомненно, миледи.

Баронесса вздохнула, взяла меня за руку и спокойно, почти ласково, словно объясняла несмышлёнышу совершенно очевидное правило, проворковала:

– Мужчинам не нравится, когда их заставляют оправдываться за свои знакомства. А женщине, которая дорожит своим браком, следует понимать и принимать такие вещи без дополнительных объяснений. Верно, мисс Чекмес?

– Совершенно верно, миледи, – отозвалась компаньонка. – Мужчинам вообще редко нравится, когда им задают неудобные вопросы. Особенно если ответы уже известны обеим сторонам.

Чай был прекрасен, а вот эпоха, в которую меня занесло – так себе. С другой стороны, кто любит неприятные вопросы? До вспышки я задавала их часто, и самым разным людям. Почему-то никому не нравилось.

– Ты слышишь? – продолжила баронесса. – Вот поэтому я и не понимаю, зачем ты вчера всё это устроила. Я с ужасом думаю, что будет, если твой отец узнает об этом непристойнейшем скандале. А дядя Ричард? Ведь он баллотируется в парламент от нашего округа! Какой удар по его репутации! А тётушка Беатрис? У неё же плохо с сердцем! А кузина Флора? Она же водит дружбу с герцогиней Вандорской! А леди Амберсменд...

Тут на меня полился такой поток фамильной информации, что закоротило нейроны. Это с моим-то опытом держать в уме расклады кто кому кум, брат, сват и крыша перед многочисленными тендерами.

– Не дочь, а сущее наказание, – пробормотала я.

Матушка прямо расцвела, услышав эти слова.

– Ну слава богу, ты уже осознала всю степень своей вины! Конечно, мы постараемся удержать этот конфуз в узком кругу. Но на будущее ты должна учесть, что подобные эскапады недопустимы, – баронесса Уинтон посмотрела на меня строго, очень строго. – Даже если Альберт действительно оказывает мисс Белл... какие-то знаки внимания, это не повод устраивать сцену. Порядочная женщина не станет обсуждать такие вещи ни с мужем, ни со слугами, ни, упаси господь, в обществе.

– Даже если это правда?

Мать звякнула чашкой о блюдце и воззрилась на меня с таким выражением, словно я в очередной раз демонстрировала полное отсутствие здравого смысла.

– Особенно если правда.

Она немного помолчала, а потом добавила уже чуть мягче:

– Эдит, ты должна понимать своё положение. Ты леди, у тебя есть титул, ты домашний ангел, ты согревающее тепло Блэквелл-холла, ты хранительница семейного покоя и хозяйка фамильного очага. Что тебе за дело до дорожной грязи, налипшей на сапоги твоего мужа? Неужели тебе обязательно знать, куда супруг тратит каждую гинею и с кем он проводит время? Ты его жена, а не надзиратель.

Мисс Чекмес едва заметно кивнула.

– В самом деле, миледи. Надзирателю хотя бы полагается жалованье.

Мать бросила на неё короткий взгляд, но спорить не стала. А я осознала, что у меня начинает складываться совершенно иная картина вчерашнего скандала. Возможно, прежняя Эдит действительно устроила безобразную сцену. Невероятную, возмутительную и предосудительную. Но, судя по всему, скандальность этого действия заключалось вовсе не в том, что её лорд Блэквелл изменял ей.

Проблема была в другом: она посмела это заметить.

Интересно, что ещё я – теперь уже я! – замечу в этом чудесном мире, где от женщины требуют жить с закрытыми глазами?

А я замечу.

Глава 1.5. «Доктор вам поможет»

Дамы наконец распрощались и оставили меня с моими нюхательными солями. Лорд Блэквелл, как сообщили горничные, убыл в неизвестном направлении, дав мне возможность хотя бы ненадолго остаться в тишине и подумать. Похоже, поехал одаривать гинеями местные таланты. Ну а что ему ещё оставалось после такого разговора с женой? Видимо, семейная жизнь требовала срочного восстановления душевного равновесия, желательно где-нибудь подальше от супруги.

Я откинулась на подушки и некоторое время изучала потолок и окаймляющую его лепнину. Итак, за последние несколько часов я успела узнать, что являюсь леди Эдит Блэквелл, дочерью баронессы Уинтон и супругой человека, который содержит актрису, но совершенно не считает нужным это обсуждать. Кроме того, выяснилось, что приличная женщина должна быть домашним ангелом, хранящим тепло семейного очага, не интересоваться грязью на сапогах супруга, не задавать его неудобных вопросов и, желательно, знать ровно столько, сколько положено знать леди.

Всё это было прекрасно, но смущала парочка обстоятельств: во-первых, ледию я стала несколько часов назад. А во-вторых, я совершенно не знала, кем была Эдит Блэквелл, чем она жила и чем дышала. У меня были минимальные познания об этом мире. И хотя я выдержала экзамен светским разговором на отлично, что-то подсказывало, что экзамен будет далеко не последним. Не хотелось бы срезаться.

Из плюсов к моему новому положению прилагались поместье, горничные и очень недурной чай.

– Миледи, вы что-нибудь ещё желаете?

Я перевела взгляд на Бэтси. Миловидная сероглазая девушка опять вооружилась изящным флакончиком с нюхательными солями, дабы спасти меня от обморока. Пахла эта гадость настолько едко, что изображать умирающего лебедя мне совершенно не хотелось. Нашатырь, замаскированный бергамотом. Бррр... Энн тем временем собирала посуду, время от времени поглядывая в мою сторону.

– Пока ничего. А вам обоим обязательно всё время находиться рядом со мной?

Бэтси на мгновение замерла, а потом её губы тронула улыбка.

– Но мы всегда должны быть к вашим услугам, миледи.

– Даже если я просто лежу и смотрю в потолок?

– Если изволите, – совершенно серьёзно ответила она.

Я невольно усмехнулась.

– Поверьте, в мои планы больше не входят обмороки. Бэтси, убери этот флакон подальше. У меня от одного взгляда на него резко улучшается здоровье.

Энни тихо фыркнула, но тут же опустила голову, словно сама испугалась того, что позволила себе проявить эмоцию. Я посмотрела на неё внимательнее. Девушка была постарше Бэтси, тоненькая, темноволосая, с острым лицом и большими тёмными глазами. Сейчас в них мелькнуло нечто похожее на смущение, но быстро исчезло.

– Напомните, вас как зовут? – спросила я.

Сказать, что горничные удивились – ничего не сказать. Обе вытаращились на меня.

– Энни, миледи, – присела остроликая. Мне она показалась более бойкой.

– Бэтси, миледи, – присела другая.

– Я знаю, что Энни и Бэтси. Я имела в виду ваши фамилии.

Девушки переглянулись, но ответили.

– Энни Хейл, миледи.

– Бэтси Миллер.

С места в карьер, ну да ладно. Если мне предстояло выяснить, кем была прежняя Эдит, начинать стоило с людей, которые проводили рядом с ней больше времени, чем её собственная мать. Муж мог врать, мать могла считать правду неприличной, а вот горничные наверняка знали многое. Кто приходил в дом, кто писал письма, из-за чего хозяйка плакала, какие вещи она любила, кого терпеть не могла и с какой такой радости решила вдруг устроить публичный допрос своему милорду.

– Бэтси, а давно ты у меня служишь?

Она опять кинула растерянный взгляд на Энн.

– Достаточно давно, миледи.

– Сколько же, напomini мне? От этой слабости мне трудно собраться с мыслями, – соврала я.

– Почти три года, миледи.

– А ты, Энни?

– Я около года в Блэквелл-холле.

– И нравится вам здесь? Не обижала ли я вас?

Вопрос поверг обеих в форменный ступор.

– За эти мгновения... до и после обморока... – я тщательно подбирала слова, – перед глазами пронеслась вся моя жизнь... все мои грехи... и я хотела бы знать, не обидела ли я вас чем-то, могу ли чем-то вам помочь?

Объяснение частичной амнезии, завернутое в благочестие и приправленное подкупом, – довольно топорный заход, но, будем надеяться, зайдёт электорату. С чего-то надо наводить мосты.

– Мы стараемся хорошо исполнять свои обязанности, миледи, – наконец произнесла Бэтси.

Энни внимательно на меня взглянула и в глазах её мелькнул испуг. Но она быстро взяла себя в руки. Ответила она тихо, вполне уверенно, и всё же я уловила в её голосе крохотную дрожь.

– Миледи недавно перенесли обморок... Возможно, вам лучше пока не утомлять себя разговорами. Милорд сказал, что скоро прибудет доктор Говард.

– Да-да, миледи, доктор вам обязательно поможет...

Бэтси принялась поправлять складку на покрывале с таким тщанием, будто от этого действия зависела судьба Британской империи. Здоровой тут меня явно не считают.

Вопрос – считают ли вменяемой?

Глава 1.6. Упс, промашка! Коварный гардероб

Несмотря на слабость, я решила спуститься к ужину. Увы, ужин, как выяснилось, потребовал гораздо большей подготовки, чем я предполагала. Стоило мне только известить горничную о планах – к этому моменту со мной осталась только Бэтси, а у Энн нашлись другие дела в доме, – как она начала лепетать о докторе, который всё не едет и не едет, о том, как я слаба и как всё сложно. Наконец, она сдалась и сообщила, что сейчас поможет мне одеться.

Я встала с постели и взглянула на себя в зеркало. На мне было платье мятного цвета, отороченное кружевом, удобное и нарядное.

– А то, в котором я сейчас, чем-нибудь провинилось? – поинтересовалась я.

Нарядное, симпатичное, в меру скромное – без декольте, зато с богатой декоративной отделкой.

Девушка на секунду замерла, словно вопрос требовал от неё очень сложных размышлений, а потом улыбнулась.

– Но это же пеньюар, миледи.

– О-о-о... – протянула я.

Доктор будет счастлив узнать о моей промашке. Ну кто бы мог подумать, что наряд, в которое меня переодели перед приходом баронессы с компаньонкой, был пеньюаром? Я как-то иначе представляла сей предмет туалета. Не таким скромным и закрытым.

– Действительно... какая я стала рассеянная...

Через несколько минут я уже стояла посреди комнаты, позволяя Бэтски наряжать меня, как фарфоровую куклу. Сам процесс напоминал мне одновременно переодевание манекена и сборку сложного промышленного оборудования. Больше всего впечатлил корсет. О нет, это чудовище было не из того семейства пикантных корсетов, которые я иногда надевала в моменты приятных вечерних встреч в XXI веке. Этот монстр был создан исключительно для того, чтобы я не могла нормально дышать.

Ну конечно, мы ж с тобой уже знакомы... Именно это пыточное устройство подарило первые впечатления, когда я оказалась в кресле посреди этой комнаты. Мне уже тогда оно не понравилось. Потом меня переодели в свободный пеньюар и уложили в постель. Для визита дам, навещающих больную, эта одежда была приличной – поставим галочку в уме. А вот для ужина – опять корсет.

Затянув меня до состояния праздничного рулета, Бэтси принялась за криолин. Эта огромная штука, из-за которой юбка превратилась в колокол, была отличным дополнением к корсету. Два пыточных инструмента! Корсет – чтобы я не дай бог вольно не вздохнула, а криолин – чтобы окончательно задолбалась. Как в этом идти по лестнице? Как сидеть?

– Может, мне действительно лучше было остаться в постели? – пробормотала я.

– А я вам говорила, миледи! – откликнулась Бэтси, неправильно истолковав мой вздох.

Впрочем, результат действительно выглядел впечатляюще. После всех этих манипуляций я и впрямь стала похожа на леди. Тёмное платье подчёркивало талию, юбка ложилась тяжёлыми складками, а волосы, которые я всё ещё никак не могла привыкнуть видеть такими длинными, были уложены с совершенно невозможной тщательностью. Какая же умница моя Бэтси!

Я провела кончиками пальцев по причёске, стараясь не разрушить конструкцию.

– Главное, не бегать в этом великолепии... за мужем и его актрисами...

В глазах Бэтси мелькнуло веселье, но она сразу же опустила глаза и принялась поправлять складку на юбке с исключительной сосредоточенностью.

А я ведь и впрямь не собиралась бегать за лордом Блэквеллом. Что-что, а его личная жизнь интересовала меня меньше всего. Со своей бы разобраться...

Я ещё раз посмотрела в зеркало.

Чужое лицо. Чужая одежда. Чужая жизнь. И где-то там, внизу, меня ждал мужчина, который называл себя моим супругом, считал нормальным содержать любовниц и при этом искренне не понимал, как его жена может иметь по этому поводу вопросы.

А я имею.

Глава 1.7. Без паники! Это семейный ужин

Скромный семейный ужин был настолько торжественным, что меня охватил мандраж. Вышколенные слуги двигались вокруг стола настолько плавно и бесшумно, что я несколько раз ловила себя на мысли: ещё немного – и начну подозревать, что они материализуются из воздуха. Этакie призраки Блэквелл-холла... Передо мной сменялись блюда, приборы, бокалы, и хотя я имела представление, какую вилку взять для рыбы, всё равно мне было не по себе.

Ладно, с приборами я как-нибудь разберусь. Гораздо сложнее оказалось понять, что именно здесь считается нормальным поведением за столом, а что заставит приличное общество дружно поперхнуться.

Рыба! Коварное создание глубин, что в своё время так напугало героиню Москвы, не верящей слезам, теперь и меня чуть не подвело под монастырь. Морской окунь оказался настолько хорош, что я уделила ему едва ли не большее внимание, чем светской и ниоцёмной беседе с супругом, в которой отделялась односложными репликами. Я была и голодна, и восхищена поварским мастерством. Поэтому, когда лакей, которого лорд Блеквелл называл Джеймсом, появился снова, я его окликнула:

– Джеймс, будьте добры, ещё немного сибаса.

Лакей замер, а Альберт с недоумением поднял глаза от тарелки. Я поняла, что допустила ошибку и зачёт мне сегодня не поставят, вот только не поняла какую.

Мир пришёл в движение, Джеймс отмер и порадовал меня ещё одним куском нежнейшей рыбки под сливочным соусом с солоноватыми каперсами, а Альберт заговорил о болотистых лугах и бекасах. Мы дружно сделали вид, что всё сомнительно, но окей.

До конца ужина Альберт то и дело поглядывал на меня, а под конец произнёс:

– Слуга доктора Говарда сообщил, что его срочно вызвали к больному. Но как только он вернётся, ему сразу же сообщат о том, что мы его... очень ждём.

Я поймала себя на мысли, что муж мой нравится мне всё меньше и меньше. А вот рыба действительно была великолепной.

Когда подали десерт, я уже чувствовать себя новобранцем, успешно преодолевшим полосу препятствий. Но вот очередная смена приборов, и на столе появились стеклянные чашечки с водой. Я вспомнила «Принца и нищего» и победно усмехнулась: не на ту напали! И овце понятно, что пить из этих чашечек не следует. Но не успела я порадоваться своей догадливости, как осознала, что насчёт не-овцы я погорячилась.

Если не пить, то что? Макать пальцы? Салфетки? Наверное, пальцы. А если нет? Выяснить, что именно полагалось делать с этими капканами в виде изящных чашечек, не представлялось возможным, а прямо спросить Альберта означало добровольно сообщить ему, что собственная жена ну очень напрашивается на докторский осмотр.

Я талантливо делала вид, что увлечена десертом, но персики в желе быстро закончились, а просить добавки, как я выяснила опытным путём, тут было не принято. Лихорадочно перебирая в памяти всё, что когда-либо читала о старинных обедах или видела в сериале, я никак не могла выудить из памяти подходящее правило. А что выуживать? Трудно найти чёрную кошку в тёмной комнате, особенно если её там нет.

Эх, была не была! Будем действовать логично. Если это чашечка для пальцев (предположим, что всё-таки она), значит, пальцы туда всё-таки полагается опускать. Вопрос оставался только в том, насколько глубоко.

Я осторожно коснулась воды кончиками пальцев, ровно настолько, чтобы формально обозначить прикосновение. Поднимать глаза на мужа мне не хотелось, но всё-таки не выдержала и посмотрела.

Альберт наблюдал за мной. Не с раздражением, как в начале нашего знакомства, но и не с насмешкой. Скорее с вниманием, недоумением и даже обеспокоенностью, которые, похоже, становилось его обычной реакцией на моё существование.

Он не стал смачивать пальцы, а лишь обмакнул в воду салфетку. «Штирлиц, это провал», – подумала я, а вслух произнесла:

– Прекрасный ужин, милорд.

Он чуть помедлил.

– Великолепный, миледи. Я сообщу миссис Доуз, что сибас вам пришёлся по душе. Пускай почаще его готовит.

Я посмотрела на стеклянную чашечку, потом на супруга, и решила, что после всего пережитого за этот день осторожность меня уже явно не спасёт.

– Надеюсь, она будет готовить его почаще.

«А я буду вляпываться в такие ситуации пореже».

Надеюсь.

Глава 1.8. Этикет и пощёчина

После ужина я первым делом велела Бэтси принести мне книгу по этикету. Если вселенная собиралась подсовывать мне правила, о существовании которых я ещё утром даже не подозревала, то дайте уж мне хотя бы инструкцию!

Бэтси довольно быстро вернулась с увесистым томом в тёмном переплёте и положила передо мной.

На титульном листе значилось: *Book of Household Management. By Mrs. Isabella Beeton.*

Я устроилась поудобнее и принялась читать.

Изабелла Битон, как выяснилось, относилась к организации домашней жизни примерно так же, как я когда-то относилась к отчётности по делам бизнеса: всё, что попадает в поле зрения, следует систематизировать, классифицировать и желательно снабдить пояснением, почему идиоты, которые нарушают мои рекомендации, создают проблемы окружающим. Эта миссис Битон дотошнейшим образом раскладывала по полочкам обязанности cook, kitchen-maid, housekeeper, lady's-maid, footman и прочей бесчисленной прислуги большого дома. А ещё давала массу ценных советов насчёт этикета.

Я очень быстро нашла то, что искала. Мда, просиить вторую порцию супа или горячего действительно считалась дурным тоном. И вовсе не потому, что леди должна была изображать голодную великомученицу и питаться исключительно воздухом, а потому, что после первого блюда слуги практически сразу подавали следующее. Перечитав абзац ещё раз и вспомнив отточенные движения лакеев, я вынуждена была признать:

– То есть я, голодающая Поволжья, чуть не нарушила работу всего конвейера...

С этой ошибкой всё было понятно. В ресторане XXI века мне бы вряд ли пришлось в голову попросить добавки. А тут, за домашним столом, требования к порядку и приличиям были намного строже. Ставим ещё одну галочку в памяти: хоть Блэквелл-холл и милый дом, но лопать котлеты со сковороды тут не разрешат. Только серебро и фарфор, только изысканные манеры, только хардкор. Личные привычки и аппетит придётся подчинять сложным социальным ритуалам.

– А если придётся ехать на званный обед? – ужаснулась я. – Скажусь больной! Прикинусь мёртвой!

Зато вот с finger-glass я не оплошала. Отыскав соответствующий раздел у миссис Битон, я с некоторым облегчением обнаружила, что хоть тут интуиция меня не подвела. Эта маленькая чаша действительно предназначалась для пальцев, причём леди полагалось лишь слегка смачивать их кончики. Я именно это и сделала.

Моя ошибка состояла вовсе не в том, что я воспользовалась чашечкой неправильно. Я просто слишком долго разглядывала её и действовала с чрезмерной осторожностью. Как будто в кислоту пальцы опускала.

Это мне ещё повезло, что я попаданка, а не попаданец. Джентльмены-то, как выяснилось, могли вообще не опускать пальцы в воду, ограничиваясь тем, что слегка смачивали уголок салфетки. Именно так и поступил мой муж.

Хорошо хоть не отхлебнула сгоряча. Ибо привычка невоспитанных континенталов полоскать рот прямо за столом вызывала у чопорной английской аристократии естественное отвращение и насмешки. Ну, в этом их понять можно.

Я закрыла книгу и задумалась. Здесь можно сделать всё правильно, и всё равно выглядеть идиоткой. Легко не будет.

Вздохнув, я вновь открыла увесистый томик... И так зачиталась, что не услышала шаги в коридоре. Дверь открылась без предупреждения, и на пороге появился Альберт. Он остановился, заметив меня за столом, а затем перевёл взгляд на раскрытую книгу.

Я проследила за его глазами и только тогда сообразила, что продолжаю лажать с упорством радистки Кэт. Что должен подумать человек, чья жена сегодня позабыла правила этикета, а теперь изучает *Book of Household Management by Mrs. Isabella Beeton*? Я захлопнула книгу и, стараясь сделать это как можно естественнее, положила поверху ладонь.

Альберт чуть приподнял бровь.

– Надо думать, преинтереснейшее чтение, миледи?

– Разумеется, – ответила я, убирая книгу под стопку бумаг. – Иначе зачем бы я стала это читать?

Лорд Блэквелл лишь едва заметно покачал головой.

Он выглядел совершенно иначе, чем утром: в нём уже не было раздражения и той холодной напряжённости, которая делала его лицо опасным. Могу ошибаться, но, кажется, по лицу супруга промелькнула лёгкая тень вины.

Альберт подошёл и сел рядом, некоторое время просто разглядывая меня. Потом осторожно убрал с моего виска выбившуюся прядь волос, и от неожиданности я не сразу отстранилась.

– Вы сегодня очень устали, – произнёс он тихо. – Думаю, нам обоим не стоит заканчивать этот день ещё одной ссорой.

В его голосе не было ни приказа, ни раздражения. Более того, он говорил со мной так, словно между нами существовали тёплые, семейные, а может, и любовные отношения, о которых я пока ничего не знала. И, судя по тому, как уверенно он себя вёл, они, вероятно, существовали.

Он красив, и я красива: мой новое отражение в зеркале мне понравилось. Мы молоды, благородны, образованы... Любили ли друг друга Альберт и прежняя Эдит, или их брак был классической викторианской сделкой?

... Пока я размышляла над этим вопросом, Альберт наклонился ближе, и я вдруг поняла, почему прежняя Эдит вышла за него замуж. Опыняющий жар нахлынул волной, поглощая разум и заставляя таять тело. Его губы почти прикоснулись к моим...

И тут в голове всплыло слово, мгновенно уничтожившее романтическую атмосферу.

Сифилис!

Я резко отодвинулась.

– Простите, – сказала я, стараясь сохранить хотя бы видимость приличия, – но я передумала.

Лорд Блэквелл замер, отстранился и посмотрел на меня с искренним недоумением. Я и сама уже начинала понимать, насколько абсурдно прозвучит следующая фраза, но другого варианта не было.

– После всех сплетен о вашей актрисе я предпочла бы сначала убедиться, что вы совершенно здоровы, милорд.

Лицо моего красавца-мужа сначала побледнело, потом побагровело.

– Эдит...

– Ничего личного, – поспешно добавила я. – Просто я не хочу лечиться ртутью.

Мгновение проходило за мгновением, лицо милорда грозило перейти в апоплексически-синюшный оттенок, и я с беспричинно вспыхнувшей весёлостью констатировала: вечер определённо удался. Если раньше день лорд Блэквелл считал свою жену всего лишь взбалмошной скандалисткой, то теперь я дала ему шанс прийти к выводу: его супруга сошла с ума.

– Я сделаю вид, что ничего не слышал, миледи.

– А я не буду делать вид, что я ничего не говорила, милорд.

Несколько секунд мы буравили друг друга взглядами, а потом он резко протянул руку.

– Не собираюсь просить то, что принадлежит мне по закону.

Я попыталась было отстраниться, но он перехватил меня за запястье, и пальцы сомкнулись так крепко, что боль мгновенно отрезвила лучше любых нюхательных солей.

Я дёрнула рукой, но он лишь крепче стиснул пальцы.

– Отпустите.

Теперь он глядел на меня с тем же холодным раздражением, что и утром. Ласки и тепла как не бывало. И без телепатии было ясно: лорд Блэквелл больше не настроен на куртуазную игру. Сейчас перед ним не женщина, которая просила её не трогать, а непослушная жена, которую следовало поставить на место.

Он потянул меня к себе, едва не ломая мне запястье. В его движении не было ни сомнения, ни вопроса – лишь уверенность человека, привыкшего считать своё желание достаточным основанием.

Меня накрыло дикой волной страха, поглотило с головой, но через мгновение страх сменился яростью.

Звук пощёчины был неприлично громким.

Альберт отпустил меня и застыл. Он глядел на меня с неподдельным потрясением, а я тяжело дышала и потирала руку.

На щеке лорда Блэквелла медленно проступал багровый след. Но страшнее всего были его глаза. Так смотрят не на жену, устроившую ссору. Так смотрят на незнакомца, внезапно оказавшегося в собственном доме.

Альберт медленно выпрямился.

– Кто вы?

Глава 1.9. Тёмная сущность в Блэквелл-холле. Я под подозрением

– Кто вы? – спросил он, и мне почудилось, что в его словах я слышу приговор. – Вы леди или... её доппельгангер? Тёмный двойник? Тень, занявшая место моей супруги?

Внутри у меня всё обдало морозом, по телу пробежал дрожь. Лорд Блэквелл говорил медленно, впечатывая каждое слово, вглядываясь в мои глаза. Он глядел на меня в упор и словно пытался проникнуть в мои мысли, в мою душу. Щека его пылала, красный след наливался багрянцем. Но Альберт даже не прикоснулся к нему: настолько был поглощён тем, что пытался разгадать.

Интересно, что делают тут с самозванками? Вешают или сжигают? Сразу или после пыток? Как дышать – я позабыла. Вот оно, разоблачение. Сейчас он поймёт – каким-то непостижимым, мистическим образом поймёт, что перед ним действительно не его жена, а абсолютно иной человек, случайно занесённый в это тело из другого века, из другой жизни, из-под завалов чужой квартальной отчётности.

Но Альберт, к моему огромному, головокружительному облегчению, тут же сам себе и ответил – причём куда прозаичнее, чем я себе накрутила.

– Впрочем, что за глупости я говорю, – он потёр лицо ладонью, будто пытаясь стереть с него и следствие пощёчины, и собственную вспышку суеверного бреда. – Разумеется, дело в обмороке. Помутнение рассудка, провалы в памяти – доктор Говард наверняка объяснит это куда лучше меня.

Взгляд его упал на стол, где, полуприкрытая стопкой бумаг, всё ещё лежала книга миссис Битон.

– Вижу, вам даже пришлось взять книгу по этикету, – он нахмурился, и в этом хмуром взгляде было куда больше горечи, чем гнева. – Полагаю, вы и вправду не помните элементарных вещей.

Я промолчала – в конце концов, объяснение было вполне рабочим, и спорить с ним, доказывая, что я, наоборот, отлично помню элементарные вещи – айфоны, дрип-пакеты с кофе... Это было бы, мягко говоря, контрпродуктивно.

– Завтра же пошлю за доктором, – произнёс Альберт уже без прежней резкости, скорее устало. – Вам нужен покой, миледи. А объяснения оставим на потом.

Он ещё раз взглянул на меня – долго, изучающе, словно пытаясь отыскать в моих чертах хоть что-то знакомое, – а затем молча развернулся и вышел, оставив меня в одиночестве коротать эту ночь наедине с собственными мыслями.

* * *

Дверь распахнулась, и в комнату вбежали перепуганные Бэтси с Энни. Я даже не сомневалась, что они из-за двери каждое словечко слышали. Горничные дружно принялись хлопотать вокруг меня, да так лихорадочно, будто я могла в любой момент рассыпаться на части, и только их заботливые руки удерживали меня в собранном виде.

Девчонки стащили с меня платье, расшнуровали корсет, натянули ночную рубашку, и я позволила им делать всё это, механически поднимая руки и поворачиваясь, потому что сил сопротивляться уже не осталось. Не осталось их ни на слова, ни на жесты, ни даже на мысль о том, чтобы спросить их, что они слышали и тоже ли считают думают, что их хозяйка сошла с ума.

Глаза закрылись сами собой, и я почувствовала, как проваливаюсь в вязкую, тягучую темноту, которая поднималась как девятый вал, закрывая горизонт. И где-то в глубине мелькнула угасающая мысль: этот день был сложнее, чем неделя без сна над тендерной документа-

цией, сложнее, чем маски-шоу в офисе и объяснения с налоговой, сложнее, чем всё, что случилось со мной в той, прошлой жизни, – потому что там я хотя бы знала правила игры, а здесь не знала даже, сколько мне лет.

Сложнее... Слож...

Глава 1.10. Ненадёжные рассказчики. Эффект Расёмона

Утром я открыла глаза с осознанием, что должна узнать, кем была Эдит, чем жила, чем дышала и о чём беспокоилась.

– Бэтси, кофе! – крикнула я, едва открыв глаза и дотянувшись до шнурка колокольчика.

Начало нового дня в Блэквелл-холле встретило меня серым светом, сочащимся сквозь неплотно задёрнутые шторы, и ощущением, будто ночью по мне проехала карета. И всё же я проснулась «на бодрячке», на дофаминовой пружине. Я села в постели и почувствовала, что вчерашняя беспомощность уступает место азарту.

– Доброе утро, миледи, – приветствовала меня Бэтси, и в голосе её прозвучали настороженные нотки.

– Не знаю, насколько оно доброе, – усмехнулась я, потягиваясь, – но точно утро...

Взглянув на Бэтси как можно адекватнее и успокаивающее, я повторила просьбу о кофе и уверила девушку, что сегодня чувствую себя гораздо лучше, чем вчера, помню её фамилию – Миллер, и сколько она у меня служит – три года. Горничная разулыбалась и, зуб даю, – совершенно искренне.

Я её понимала. А вдруг миледи за ночь потеряла остатки разума и памяти? Вдруг у миледи крыша не только съехала, но и в дальние края увистела? А ты тут выполняй свои обязанности, как стюардесса в бизнес-классе, куда впёрся полупьяный вице-губер с планами дебоша на борту. Стрёмная работка.

К тому моменту, когда Бэтси внесла поднос с серебряным кофейником, я уже активно шевелила нейронами. Не выбираясь из кровати, я устроила планёрку с самой собой. Кофе, тосты, свежесбитое сливочное масло и маленькая вазочка, где золотился апельсиновый джем, очень этому способствовали.

Пока я пользовалась хозяйскими привилегиями, Бэтси принесла свежую воду для умывания, а затем принялась хлопотать у туалетного столика, расставляя баночки и склянки. Энн, зашедшая чуть попозже, занималась камином, подкладывая уголь щипцами и время от времени поглядывая в мою сторону. Я не великий пролайфер и психолог, но девушка определённо нервничала.

– Энни, с тобой всё в порядке? – не удержалась я.

– Да, миледи, – быстро ответила она, не поднимая глаз. – Простите, я немного рассеянна сегодня.

Зарядившись кофеином, я набралась смелости – ну, раз, да, три! – и спросила, чем сейчас занимается мой возлюбленный супруг. Очень хотелось спросить, когда спускаться к завтраку, но Вселенная сегодня была ко мне милосердна. Бэтси сообщила, что милорд покинул Блэквелл-холл и обещался быть к ужину. И настоятельно просил миледи беречь себя и не вставать с постели, дожидаясь доктора.

– А когда должен прибыть доктор? – осведомилась я, стараясь говорить беспечно.

– Сегодня, миледи, – ответила Бэтси. – Милорд распорядился послать за ним с утра.

Я откинулась на подушки, сдерживая вздох облегчения. Если муж действительно считал меня больной, это было даже хорошо. Гораздо лучше, чем если бы он начал подозревать, что перед ним вовсе не та женщина, на которой он женился. Это отлично, это просто отлично, что он пока объяснял моё странное поведение вполне земными причинами: последствиями обморока, отравления и, возможно, временным помутнением сознания.

А вот Энни при словах о докторе побледнела. Нет, на не «изменилась в лице», как пишут в сентиментальных романах, – девушка побледнела настолько отчётливо, что даже Бэтси заметила и на мгновение остановилась, вопросительно глядя на неё.

– Ты сегодня сама не своя, Энни, – заметила я, и горничная вздрогнула так, будто я её ударила. – Что-то случилось?

– Нет-нет, миледи, – поспешно отозвалась Энн, снова принявшись шурудить кочергой в камине. – Ночью просто плохо спалось.

Только я хотела спросить, что именно ей помешало спать, как в этот момент снизу донёлся стук входной двери. Энн вздрогнула.

– Кто это так рано? – спросила я.

Бэтси выглянула в коридор, перекинулась парой слов с кем-то, кого я не видела, и вернулась с известием:

– Да это плотник чинит дверь. Доктор Говард обещал прибыть к полудню, так что не извольте беспокоиться – успеет все наладить...

Я перевела взгляд на Энн. Лицо у неё так побелело, что я уж призадумалась, а не придётся ли звать доктора и для неё.

– Энни, может быть, тебе стоит отдохнуть? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал мягко. – Я распоряжусь, чтобы тебя не донимали работой, если тебе нездоровится.

Горничная выпрямилась, не выпуская кочергу из рук. Сжимала она её так, что пальцы дрожали.

– Нет-нет, миледи... прошу вас, не надо... иначе мистер Пирс будет негодовать, ведь в доме столько дел... Мне вдруг страшно стало, а если доктор скажет, что вы больны?

– Да-да, миледи, мы очень беспокоимся! – подхватила Бэтси.

– Пойду отнесу бельё в прачечную, – пробормотала Энни.

Ответ звучал не слишком убедительно, но настаивать я не стала – слишком много всего произошло за последние сутки, чтобы разбираться ещё и с нервозностью горничной.

Мне и без того было, о чём думать и о чём размышлять. К этому моменту у меня в голове уже успел сложиться образ прежней Эдит Блэквелл, только вот беда заключалась в том, что составлен он был из осколков чужих мнений. Муж видел в ней непослушную и чрезмерно любопытную жену, мать – дочь, которой следовало бы наконец научиться благоразумию, а что думала обо всём происходящем мисс Чекмес, я так и не поняла.

У слуг наверняка была своя версия на тему, «кто такая Эдит», но делиться они ею не спешили. У них и своих проблем хватает – вон как у Энни руки подрагивают. Каждый боится за своё место, и откровенничать со мной не станут.

Расспрашивать окружающих о том, кем была леди Блэквелл, представлялось занятием бессмысленным. Каждый из них глядел на неё со своей колокольни. Разные люди, разные ракурсы.

Тот самый эффект Расёмона, когда каждый первый – ненадёжный рассказчик!

И тут дело не в том, что люди, знавшие миледи 1, захотели бы намеренно солгать, начни миледи 2 вдруг осторожно задавать вопросы. Просто никто из них не мог рассказать мне о том, что было в мыслях у Эдит Блэквелл, – без собственных интерпретаций.

Если я хочу узнать, кто я такая, мне нужно найти голос самой Эдит.

* * *

Дорогие читатели, я рада, что мы с вами уже отметили маленький юбилей – 10-ю главу.

Я буду очень благодарна, если вы одарите эту книгу лайком, поделитесь своим мнением в комментариях, ну и подпишетесь на нас с цилиндром...

Это мой первый роман на Литресе, и ваша поддержка очень важна!

Глава 1.11. Обыск

Письма! Ну да, конечно же, мне нужны письма. А точнее, черновики, написанные Эдит, если таковые сохранились. А ещё лучше – дневник, если сильно повезёт. Что-то такое, что позволило бы забраться в её голову, в её душу.

В эпоху, когда писали перьями, а кнопки «Delete» не существовало в принципе, черновики были обычным делом. Так что шансы у меня есть.

Вспомнилось, как нам удалось купить слитую базу писем конкурента, и как это помогло нам его закопать. От тех воспоминаний на душе даже теплее стало. Хорошо мы его тогда урыли... Не в буквальном смысле, конечно. Время уже было культурное, не лихие 90-е. Замочили мы его путём грамотного использования информации.

Кто сказал «коммерческий шпионаж»? А, ну да. Интересно, как там фирма...

Над всем этим я размышляла, пока Бэтси причёсывала меня и наряжала. С гардеробом своим я ещё не познакомилась и поэтому велела просто принести что-нибудь, что я ещё не надевала на этой неделе. А дальше умница Бэтси сама всё сделала. Мне осталось только выбрать украшения из шкатулки, декорированной лебедями.

Стояла она на туалетном столике, и когда я на неё взглянула, то рука непроизвольно потянулась к кармашку-сумочке на поясе: спасибо тебе, тело, за привычные реакции! Там-то и нашлась связка ключей.

Конец одного из ключей был выполнен в виде изящного лебедя. Тонкая, ювелирная работа. Интересно, кто подарил эту шкатулку Эдит? Может быть, это был романтический подарок супруга? Я вспомнила жар, который затопил меня от прикосновений Альберта. Что же у них творилось в медовый месяц?

Повернув ключик, я открыла шкатулку и принялась меланхолично перебирать цепочки, браслеты...

... Да, если я хочу уловить эхо от голоса прежней Эдит, мне нужно выяснить, где она хранила письма, открытки и альбомы. Большая часть найденного, конечно, будет посланиями, которые получала она – но это тоже интересная информация. Эпистолярный жанр сейчас на пике. Тут смайликами не обмениваются, тут пишут со вкусом, красиво, обстоятельно...

Я встряхнула головой и оглядела комнату. Спрашивать Бэтси, где ж я храню письма, было бы неразумно. И так доктор много чего обо мне наслушался.

Взгляд мой упал на небольшой секретер у окна.

– Бэтси, принеси ещё кофе, пожалуйста, – велела я.

Не играть же в юного медвежатника прямо при горничной? Будет странно, если я начну подбирать ключи, словно их впервые увидела.

Как как только Бэтси вышла, я сразу же встала с постели и подошла к секретеру. И, подобрав ключ к ящикам – не так уж это сложно оказалось, принялась изучать находки.

Внутри центрального ящика обнаружилась довольно массивная шкатулка тёмного дерева. Да что там – целый ларец, и тоже запёртый на ключ. А в нём – деньги! Быстренько их пересчитав, я выяснила, что являюсь обладательницей семи золотых монет и дюжины серебряных. Много это или мало? Подумаю потом.

Второй находкой стала чернильница, напоминающая ювелирный шедевр. Какая красота... Боже, так и хочется начать писать стихи! Вот и стопка плотной, дорогой бумаги. Изящные пригласительные карточки, открытки к разным поводам... И ещё какие-то письменные принадлежности, о назначении которых я лишь смутно догадывалась.

И, наконец, находка номер три – несколько альбомов и стопок с письмами, аккуратно перевязанных атласными лентами.

Я, дрожа от нетерпения, дёрнула ленту,хватила одно из писем и пробежала глазами по каллиграфически выписанным строчкам:

«... Моя дорогая, вы выглядели такой уставшей, когда я видела вас в прошлый раз. Надеюсь, вы не слишком переживаете из-за того, что ваш муж не разрешил вам...»

Глава 1.12. Сожжённое письмо

Чтение выдалось презанимательным. Черновики самой Эдит я не нашла, и это показалось странным. Ни листочка, даже случайно затесавшегося среди писем и бумаг. Как будто хозяйка секретера тщательно следила за тем, чтобы ни одно собственноручно написанное слово не осталось не то что на виду – а даже под замком.

Но, возможно, я преувеличиваю, и дама просто была аккуратисткой. Хотя стопки писем такого впечатления не создавали. Никакой систематизации – вот идут письма от мисс, которая называет леди Блэквелл милой кузиной, щедро орошая строки ядом; вот от матери, вот от незнакомой мне пока леди, снова от кузины Флоры, снова от матери... Эдит явно не заботилась о том, чтобы навести порядок в своем архиве.

Очень похоже на мою электронную почту. Только там к моменту вспышки накопилось тысяч десять или двенадцать непрочитанных писем. Эх, где ты, поиск по письмам! Придётся читать всё подряд... А впрочем, я и не знаю, что искать. Просто попытаюсь погрузиться в жизнь, которая стала моей...

А жизнь леди Блэквелл была не так уж радостна, если судить по письмам.

«... Моя дорогая, вы выглядели такой уставшей, когда я видела вас в прошлый раз, – писала некая леди Калверт. – Надеюсь, вы не слишком переживаете из-за того, что ваш муж не разрешил вам поехать в Бат. Неужели ваше здоровье так расстроено, что вам вреден даже воздух курорта?»

Хм, каков муженёк. Интересно, почему он не пустил свою миледи в Бат? Ревность? Самодурство? Финансовые проблемы? Версии в студию...

Вернулась Бэтси и я, кивнув в благодарность, обняла пальцами тонкий фарфор и принялась читать дальше.

Жемчужины, однако ж, попадались нечасто. Большинство писем были до обидного скучны: обычная светская переписка, записки от знакомых *той* леди Блэквелл и незнакомых мне дам с приглашениями на чай, парочка писем от матушки – по большей части наставления о приличиях, перемежающиеся семейными новостями да пересказом очередных сплетен. Ничего такого, что могло бы пролить свет на внутренний мир прежней Эдит – скорее уж набор доказательств того, насколько плотно этот внутренний мир был упакован в рамки светских условностей.

Но чем дальше я читала, тем отчётливее среди строк начал проступать тревожащий фон...

В переписке то и дело всплывали осторожные, тщательно завуалированные намёки на финансовые затруднения семьи.

«Ах, в каком восторге была графиня Пембрук от вашего скромного платья на благотворительном балу! Воистину вы были его украшением, олицетворяя собой столь трогательный образ тех, чья доля требует милосердия. Графиня заметила, что ещё никогда призыв к благотворительности не находил столь изящного воплощения...», – писала одна из корреспонденток.

«Надеюсь, ваше душевное состояние вскоре улучшится, и ваши выезды возобновятся», – деликатно замечала другая.

«Вы стали такой затворницей, милая Эдит! Надеюсь, вам нравится пейзажная идиллия вашего поместья?» – осведомлялась третья.

А вот кузина Флора деликатностью явно не страдала. Для викторианской эпохи она просто-таки бесцеремонно рубила правду-матку: *«Я слышала, вы отказались от пяти приглашений и сократили приёмы в Блэквелл-холле до крайнего минимума, предписанного приличиями.*

Какая досада, ведь сезон только начался! Надеюсь, у вас нет финансовых затруднений, дорогая Эдит?»

И снова заботливые нравоучения матушки, и снова приглашения, и снова змеиный яд...

Судя по всему, финансовое положение Блэквеллов было далеко не таким блестящим, каким выглядело со стороны – хотя у них, то есть у нас, есть и огромный дом, и слуги, и экипажи, и наряды. *Where there's smoke,** как говорится, – нет дыма без огня. Я нюхом чую, что тут несёт таким палевом... выражаясь в духе эпохи, где-то вблизи тлеют искры крупных неприятностей, а может, разгорается пожар.

Немало сведений нашлось и о дражайшем милорде.

«Мой супруг упомянул намерении, что видел в клубе лорда Блэквелла – он выглядел столь озабоченным...», – тревожилась одна заботливая подруга.

«Мой брат встретился с лордом Блэквеллом в театре – его лицо сияло таким восторгом!» – подкидывала уголёк другая.

Я отложила очередной эпистолярный шедевр, написанный ядом королевской кобры, и призадумалась. Вчерашний скандал с мисс Белл, который я поначалу сочла банальной ревностью, сейчас представал совсем в ином свете. Не всё, что плавает как утка и крикает как утка, можно запечь с яблоками. Да, скандал, учинённый Эдит 1, выглядел как ревность – наверняка и муж, и мать именно так его и трактовали. Поверила в эту версию ненадёжных рассказчиков и я. Но теперь, глядя на письма, начала сомневаться.

Почему леди с достойным воспитанием от столь матерой ханжи, как баронесса Уитон, устроила сцену? Потому, что ревновала – или потому, что денег на любовницу в семье банально нет? Или, точнее, денег вообще нет, а муж продолжает тратить их на актрису, и это уже начинает грозить публичными неприятностями.

И ещё письмо... *«Дитя моё, то, что ваш супруг просил вас быть осмотрительнее в расходах, говорит о его исключительном благоразумии. Предусмотрительность – то достоинство, что нынче встречается не у каждого мужчины, а забота о состоянии семьи заслуживает всяческой похвалы...»* Ох, матушка! Для меня – строгая судья, а для мужа – дюжина присяжных заседателей в одном лице, с заранее готовым оправдательным приговором.

Я перечитала эти строки и нахмурилась. Значит, мне надо быть осмотрительнее в расходах? В Блэквелл-холле, где одна столовая больше, чем моя довыспешечная квартира? При таких-то интерьерах, слугах, гардеробе и столовом серебре? Видимо, до распродажи понтов дело ещё не дошло. Но близится к тому.

Отложив очередное письмо в сторону, я потянулась за следующим... И не поверила своим глазам. Под ним, взметнувшись от слабого порыва воздуха и осев, лежал обугленный обрывок листа.

Был он обуглен по одному краю – неровно, рвано, будто второпях его поднесли к пламени свечи, а затем, спохватившись или испугавшись чьих-то шагов, поспешно затушили и быстро сунули между других бумаг. Часть текста безвозвратно пропала, превратившись в чёрную бахрому пепла, но несколько строк сохранилось.

Всего несколько уцелевших строчек, написанных незнакомым, аккуратным, мелкобисерным – и откуда мне вспомнилось это слово?** – почерком:

«... умоляю вас: отриньте беспечность. Я не могу сказать большего в письме, зная, в чьи руки оно может попасть, и призываю, заклинаю, молю: будьте осторожны...»

=====

Примечания

* Часть пословицы «Where there's smoke, there's fire». Дословно: «Где дым, там и огонь».

** Откуда, откуда. Из Мандельштама, вестимо.

Часть 2. Яд

Часть вторая, в которой выживут не все. В этой части наконец-то! наконец-то! доктор Говард доберётся до тела героини, Бэтси почувствует вкус приключений, милорд в очередной раз проявит себя со свинской стороны, читатель увидит портрет мисс Белл, автор со своей печатной машинкой снова будет робко мечтать о лайках с комментариями, а экономка миссис Пирс изрядно удивится.

Ну а леди Блэквелл предстоит узнать, что яд бывает не только в письмах...

Глава 2.1. Два глотка горячего шоколада

Разобраться с обгоревшим письмом мне в тот день было не суждено. В коридоре слышались торопливые шаги и стук в дверь. Бэтси выглянула и обменялась парой слов с пришедшим, так как я велела по пустякам меня не отвлекать. Через несколько мгновений она вновь появилась на пороге.

– Миледи, приехал доктор Говард. Его провели в кабинет, но он спрашивает, можно ли ему подняться к вам. Говорит, что получил известие о вашем вчерашнем обмороке и хотел бы осмотреть вас.

Я поспешно сунула обрывок в пачку писем, перевязала атласной ленточкой, и велела Бэтси убрать все письма обратно в секретер. Закрывает его на замок, уже не путаясь в ключах, – эка я освоилась! – и уселась в кресло. Вид себе постаралась придать утомлённый, но не умирающий. А то неизвестно ещё, вдруг доктор скажет «в морг», и все с ним согласятся.

Надеюсь, когда доктор Говард шагнул в комнату, у меня уже был облик женщины, которая всё утро мирно отдыхала. А вовсе не рылась в чужой переписке в поисках компромата на собственную новую жизнь.

А впрочем, это теперь моя переписка. Как всё сложно.

Пульс участился, я волновалась. И всё же в эмоциях было больше любопытства, нежели тревоги. Да и хотелось познакомиться с кем-то, кто занимается делом, а не шляется с утра до ночи по театрам иди сплетничает в светских гостиных. Всё-таки человек с медицинским образованием.

– Бэтси, позаботься о горячей воде. Вдруг доктору понадобится что-нибудь для осмотра.

– Минуточку, миледи, сейчас всё будет готово.

Я расправила юбки и бросила тоскливый взгляд на секретер, в котором письма исходили светским ядом. Обугленный лист был теперь снова спрятан среди, и мне невообразимо хотелось к нему вернуться. Однако в коридоре уже слышались шаги и доносились слова лакея, указывающего визитёру путь.

– Говорят, доктор Говард очень хороший врач, миледи, – шепнула Бэтси. – Прекрасно лечит мигрени. Он недавно в наших краях, но о нём говорят много хорошего...

Через несколько мгновений раздался стук, и горничная поспешила к дверям. Раскрыла тяжёлую створку, отступила в сторону, присела – и на пороге появился доктор Говард.

«Не сомневаюсь, что местные дамы все резко начали страдать мигренью, – пронеслось в голове. – Недостатка в клиентках этот доктор точно не испытывает».

Ну нельзя быть настолько неприлично красивым! Стриптизёру – можно, актёру, можно, а доктору – только в сериалах.

Ростом он оказался вровень с Альбертом, но в плечах шире. Тёмно-каштановые волосы разметались быстрого шага, и Говард, заходя в комнату, пригладил их быстрым движением. Свет из окна зажигал в них рыжевато-медные искры. На мне остановился взгляд карих внимательных глаз. Взгляд был внимательный, цепкий и... мягкий? Как горячий шоколад.

Два озера горячего шоколада.

Кожанный саквояж он держал крепко, уверенно, и я невольно залюбовалась его руками. У Говарда оказались длинные, аристократичные пальцы – но не изящно-изнеженные, а сильные, хваткие.

– Доктор Филипп Говард, миледи, – представился он, слегка склонив голову. – Лорд Бэквелл сообщил, что вчера вы потеряли сознание. Позвольте вас осмотреть.

Глава 2.2. Ледяная ванна

Взгляд доктора скользнул по моему лицу, окинул всю фигуру.

– С вашего позволения, я размещу здесь свой саквояж. Так вы, миледи, лишились чувств в районе одиннадцати часов, я верно понял пересказ случившегося?

– К сожалению, со мной вчера действительно произошло нечто подобное. Прошу, вас, доктор, присаживайтесь, если вам так будет удобнее, – я указала ему на кресло. – Хотя, если быть совершенно точной, я не уверена, что смогу точно передать вам обстоятельства этого момента. Признаюсь, я плохо помню, что именно произошло. Вчерашний день вообще оставил после себя слишком много пробелов.

– Что ж, тогда попробуем прояснить картину, – губы доктора тронула лёгкая улыбка, мгновенно заставившая почувствовать к нему расположение. – Простите меня за вопросы, которые могут быть для вас чувствительными. Не испытываете ли вы сейчас лёгкую тошноту или головокружение?

– Есть немного, – признала я, как следует прислушавшись к собственным ощущениям. – Не то чтобы сильное головокружение, но некоторая слабость. Вчера... – я нахмурилась, вспоминая, – вчера после обморока слегка подташнивало. К ужину, – я вспомнила вкуснейшего сига, – к ужину прошло.

Доктор тем временем открыл саквояж и достал стетоскоп, сверкающий золотистым металлом. Я думала, это будет трубка, как у доктора Айболита в старых книжках, но инструмент был более на вид посовременнее. Он напоминал бронзовый или латунный колокольчик, от которого отходила гибкая трубка, оканчивающаяся металлическим наконечником-гильзой. «Наверное, колокольчик – мне, а гильза – доктору в ухо», – мелькнуло в мыслях. Стимпанк какой, ты посмотри...

Но для начала Говард изменил мне пульс, аккуратно взяв кисть в свою и чуть надавив на запястье, где билась голубая жилка. Затем, легко прикоснувшись к векам, – внимательно осмотрел глаза.

– Позвольте, миледи, я проверю реакцию вашей пищеварительной системы, – произнёс доктор, и, когда я кивнула, осторожно ощупал живот. Когда он слегка надавил, я невольно поморщилась: лёгкая тошнота вдруг снова подкатила к горлу.

Говард сразу убрал руку и посмотрел на меня внимательнее.

– Вас всё ещё подташнивает?

– Немного, доктор... Вот вы надавили – и слегка поплохело. Но рвотный пакетик мне пока не нужен.

– Простите? – Говард чуть приподнял брови. – Я, кажется, не расслышал...

Ну вот, ляпнула что-то не то. И правда, какие пакетики? Тут и дирижабли-то ещё в новинку.

– Тазик, – поправила я, одарив доктора светской улыбкой. – Тазик для рвоты.

Доктор моргнул, ещё разок дёрнул бровями и, наконец, вернул себе невозмутимый вид. Очень хотелось спросить, чем тебе тазик не понравился, но я смолчала.

– Гм... Ну что ж, продолжим, – кажется, он был слегка обескуражен. – Возможно, вы замечали до или после обморока ещё какие-то необычные ощущения? Неприятные или просто тревожащие?

Я задумалась.

– Ммм... пожалуй... у меня было онемение по всему телу, когда служанки привели меня в чувство с помощью нюхательной соли. От этого мерзкого запаха я и пришла в себя, надо полагать...

Снова быстрый, короткий взгляд.

– А потом, через минуту-другую, точно вам не скажу, всё тело начало колоть иголками. Адские ощущения. Прошло, наверное, за четверть часа.

Говард задумался.

– Картина мне не нравится, миледи. Симптомы, которые вы описываете, напоминают лёгкое отравление, – произнёс он задумчиво.

– Отравление, доктор? Вы уверены?

– В медицине трудно давать заключения со всей определённойостью, когда прошло столько времени. Я не оракул, я служитель Гиппократы. Скажите, миледи, что вы ели или пили вчера? Непосредственно перед тем, как лишились чувств.

Вопрос на миллион! Его-то я и боялась. Собственно, вся память этого тела обрывалась где-то на этапе «до вспышки», а всё, что происходило непосредственно перед обмороком, я знала исключительно с чужих слов, да и то весьма обрывочно.

– Не помню, – призналась я. – У меня вообще с памятью в последнее время неважно, как вы, наверное, уже поняли.

Воцарилось молчание. Я наблюдала за доктором Говардом, а он потирал подбородок и о чём-то думал.

– А когда вы в последний раз чувствовали себя совершенно здоровой?

Я замолчала, лихорадочно перебирая в памяти обрывки чужой жизни. Вчерашний день упрямо начинался с того момента, когда я раскрыла глаза в этой комнате. Всё, что было до него, принадлежало прежней Эдит, а её воспоминаний у меня не имелось.

– Надо думать, до вчерашнего обморока, – сказала я. – Но это неточно.

Он придвинул кресло и сел напротив, положив одну руку на подлокотник, а вторую на колено.

– Не хочу вас пугать, миледи... Но, боюсь, этот обморок имел куда более серьёзные последствия, чем обычно бывает при лёгком недомогании или нервном потрясении. Ваш муж упоминал о помутнении сознания, но в то же время упомянул, что рассуждаете вы здраво... однако поведение носит несколько эксцентричный, истерический характер. Теперь я убедился, что лихорадочного бреда у вас нет, но воспоминания нарушены...

– То есть делирия нет, но амнезия имеется? – лягнула я.

Язык мой! Взять бы сейчас у доктора скальпель из саквояжа да резануть по тебе, чтоб не бежал впереди мозгов! Говард воззрился... а, да что там – вылупился на меня во все гляделки. Видно было, что он с трудом сдерживает челюсть в нормальном положении. Ах, какие у него ресницы густые и пушистые... Хлопает ими, как опахалами.

– Однако, миледи!.. Я поражён глубиной ваших познаний в медицине. Ну что ж, нам будет легче найти путь к лечению, и вы со смирением примите их необходимость, – он опустил глаза, и я почувствовала, что у меня холодеет тело, а копчик начинает ныть от нехороших предчувствий. – Я не исключаю, что потребуются некоторые процедуры, кои приняты в современной медицине и хорошо показали себя в подобных случаях...

Копчик занял сильнее. Фраза «современная медицина» очень мне не понравилась.

– Думаю, стоит начать с холодных обливаний и ванн со льдом... Возможно, это позволит достичь результата без применения более сильных средств...

Вспомнилось отчего-то, как следователь мягко убеждал меня начать вспоминать «здесь и сейчас», потому что после недели в СИЗО я точно вспомню всё, аки Шварценеггер. И что, опять двадцать пять? Опять меня заставляют вспомнить то, чего я никогда не знала? Поскольку что-то подсказывало, что ванна со льдом вряд ли вернёт мне воспоминания прежней Эдит, я торопливо произнесла:

– Видите ли, доктор, после обморока память у меня уже почти восстановилась... Честно-честно. Я могу вам поминутно рассказать, что я делала... просто память у меня сейчас несколько... избирательная. Но я постепенно вспоминаю и предыдущие дни!

Говард слегка прищурился.

– Избирательная?

– Некоторые события сохранились прекрасно, а некоторые почему-то решили воспользоваться случаем и исчезнуть. Вот, например, могу почти наизусть пересказать вам, что мы обсуждали в письмах с кузиной Флорой и моими драгоценными подругами, отчего мы с возлюбленным супругом отказались от поездки в Бат, в каком платье я была на благотворительном балу...

Доктор заулыбался. Кажется, его я его порадовала своим ответом.

– Ну слава небесам, миледи! Теперь я вижу, что вы приходите в себя...

Уфф. Выстрел в яблочко. Уж если миледи заговорила о балах и модах – значит, самое главное вспомнила. Остальное-то что? Пшик, ерунда. Главное, не перепутать, кто в чём был на светском рауте!

Говард тем временем продолжал, уже беседуя сам с собой:

– Пожалуй, можно обнадёжить лорда Блэквелла и избежать терапевтического воздействия... Да, нервные потрясения имеют удивительные проявления...

– Голова – предмет тёмный, и исследованию не подлежит, – поддакнула я.

– Замечательно, что вы рассуждаете столь здраво, – эскулап заметно повеселел. Наверное, ему тоже не хотелось мочить меня... окунать меня в ледяную ванну. На Менгеле он вовсе не смахивал. – А учитывая лёгкую тошноту... – он сделал многозначительную паузу, – имеется ещё одна возможность, которую я не хотел бы исключать.

– И какая же? – живо заинтересовалась я.

Говард слегка откашлялся.

– Возможно, – произнёс он после паузы, тщательно подбирая слова, – дело не в отравлении, а в куда более... деликатном обстоятельстве.

– Ну не томите же, доктор!

И тут доктор, передумавший макать меня в ледяную ванну, решил взбодрить меня холодным душем.

– Возможно, всему виной, миледи, ваше... положение.

Я нахмурилась.

– Какое ещё положение?

Глава 2.3. Регулы – новое слово в моём лексиконе

– Какое ещё положение?

Доктор Говард выдержал короткую паузу, предоставляя мне возможность самой закончить мысль, – но осознал, что ждать придётся долго.

– Миледи молода, замужем не так давно... – доктор мягко усмехнулся, и улыбка его стала тёплой, почти отеческой. Видимо, он решил, что моя недогадливость связана с пробелами в половом воспитании. – Было бы неразумно не учитывать возможность того, что в семействе Блэквеллов ожидается счастливое известие.

Да ладно... да не гони... а с другой стороны... да нет... не может быть...

– Простите, доктор?!

– Что ж, – произнёс он сдержанной вежливостью, – выражусь максимально прямо. Не исключено, миледи, что у лорда Блэквелла в скором времени появится наследник.

А. Вот оно что.

«Не у меня ребёнок, – машинально отметила я про себя, – а у него наследник». Даже в такой, казалось бы, глубоко личной материи здесь умудрялись расставлять акценты весьма своеобразно.

– Ясно, – произнесла я вслух. – То есть вы думаете, что я беременна?

От лобового тарана бровь доктора опять дёрнулась, но он быстро вернул себе профессиональную невозмутимость.

– Я думаю, что пока слишком рано делать подобный вывод, – спокойно пояснил Говард. – Но проверить эту возможность необходимо. Позвольте спросить, когда у вас в последний раз наступали регулы?

– Э-э... э-ммм...

На этот раз доктор Говард позволил себе едва заметный вздох.

– Я спрашиваю, когда в последний раз у вас было обычное женское недомогание, коим природа ежемесячно напоминает дочерям Евы об их греховной натуре и их призвании.

Меня так и подмывало ответить «Чего, б...?!», но я сдержалась. Честное слово, сдержалась!

Впрочем, мысли быстро потекли в другом направлении. Мне уже было как-то не до оценки местных взглядов на мою натуру. Неужели я... Там, до вспышки, я не исключала, что однажды найду человека, с которым рука об руку буду катать коляску по парку, наслаждаясь семейным счастьем. Но тут... здесь и сейчас...

Я же только вчера очнулась в чужом теле, к которому в довесок прилагаются муж с актрисами, а теперь вполне может выясниться, что вместе с этим комплектом мне достался ещё и ребёнок! От этого мужа.

И как это проверить? Я почувствовала, что меня начинает нехило так потряхивать от неопределённости. Да или нет? Здесь же тесты в аптеке не продаются. Нельзя сунуть палочку в стаканчик и через несколько минут узнать, насколько крутой поворот решила сделать твоя жизнь. Значит, придётся заставить этого костоправа выяснить всё старым добрым способом.

– И что мы сидим, кого ждём? Вы осмотр будете проводить – или ресницами своим пушистыми хлопать?! Зеркало у вас с собой, надеюсь? Ну так достаньте его из своего саквояжа и засуньте мне его... И дайте мне ответ на конкретный вопрос! Чёрт его знает, когда у меня были регулы! Не помню!

Доктор Говард, светило местной медицины и специалист по мигреням, воззрился на меня так, словно я предложила ему немедленно провести публичную лекцию о женской анатомии в гостиной. Или сделать что-то иное, тоже публичное. Вроде оргии прямо напротив Букингемского дворца.

Эх, ледяной ванны не избежать.

– Миледи, мне начинает казаться, что ваш супруг отнюдь не ошибся, когда предположил, что после обморока вы несколько... изменились, – произнёс Говард, с явным сомнением подбирая последнее слово.

– Возможно, – согласилась я, совершенно не собираясь с ним спорить. – Но я всё-таки хотела бы узнать, беременна я или нет.

– Я понимаю ваше желание получить ответ, однако поспешность в столь деликат...

– Ну проверяйте тогда! Разве не за это вам платят?!

К счастью, Говард, уже сформировавший версию о наследнике Блэквелл-холла, списал мою неадекватность на это пикантное обстоятельство. Одним клубники хочется, другие мел едят, а у меня вот такие персональные странности.

– Тогда, с вашего позволения, – доктор вздохнул и деликатно отвлёк взгляд, явно ожидая от меня приличествующего случаю смущения, – я бы хотел провести более тщательный осмотр. Быть может, вы позовёте горничную, чтобы она помогла вам...

От встал, откашлялся и отошёл к окну, развернувшись ко мне спиной.

Ну, и где эта Бэтси? Желание разобраться с ситуацией было так велико, что я не стала ждать. Собственно, чего тут стесняться-то, если разобраться. Примерно то же самое, что визит к гинекологу в моей прошлой жизни, только вместо смотрового кресла кровать под балдахином, да ещё три слоя нижних юбок с кринолином.

Я кое-как расстегнула пояс этого капкана и попыталась из него выбраться. Пояс, впрочем, оказался куда коварнее, чем я рассчитывала: застёжка никак не желала поддаваться, а стоило мне наконец с ней справиться, как вся стальная конструкция обвисла неровно, перекосившись набок, и я, не удержав равновесия, сделала неверный шаг вперёд.

– Ой...

Качнувшись, я судорожно дёрнулась, пытаюсь хоть за что-нибудь ухватиться и не потерять стремительно ускользящее равновесие. Но ближайшее кресло стояло, как назло, чуть дальше, чем хотелось бы. И вместо спасительной спинки моя рука вцепилась в первое, что подвернулось под руку.

А подвернулся под руку доктор Говард.

Он как раз обернулся на мой сдавленный возглас – видимо, решил, что осторожничать перед лицом внезапной катастрофы уже поздно, – и в результате принял на себя весь вес пошатнувшейся, наполовину освобождённой от кринолина пациентки.

Мы оба покачнулись, и он торопливо перехватил меня за талию, не позволяя рухнуть на пол вместе со стальным каркасом, который в этот самый момент наконец высвободился окончательно, сложился и рухнул к нашим ногам.

Звон кринолиновых оков слился со сдавленным возгласом эскулапа:

– Миледи... что вы делаете?!

Глава 2.4. А давайте, доктор...

Несколько бесконечно долгих секунд мы простояли неподвижно – я, вцепившись в его рукав обеими руками, и он – придерживая меня за талию. Глаза изумлённо смотрели в мои, затопляя расплавленным шоколадом. Держал он меня, как вазу с динамитом: хрупкую и потенциально взрывоопасную. Вселенная схлопнулась, родилась, ещё раз схлопнулась, породила триллиард мозгов Больцмана – и, наконец, бесконечность закончилась.

Доктор пришёл в себя и вероятно, заодно пришёл к выводу, что я не поняла вопроса. Поэтому решил повторить на бис.

– Что вы делаете, миледи?! – выдохнул он, стремительно отступая от меня.

– Раздеваюсь, доктор, – прокомментировала я с лёгким раздражением, пытаюсь выбраться из бесформенной грудой стали и шёлка у наших ног. Даже упав, это чудо инженерии продолжало воображать себя капканом. – Вы хотите провести осмотр или нет?

Говард поспешно отступил ещё на шаг, старательно отводя взгляд.

– Быть может, – произнёс он деревянным голосом, – всё же позовём Бэтси?

– Точно! – согласилась я. – Где она там застряла? Сейчас попробую дотянуться до колокольчика.

Оценив перспективы, Говард коротко взмахнул рукой – не стоит, мол! – подошёл к столу и позвонил сам.

Затем вернулся к окну, уставился в темноту парка – день клонился к концу, уже сгустились осенние сумерки – и откашлялся.

– В порядке ли вы, миледи? – произнёс он наконец, и голос его прозвучал заметно более хрипло, чем пару минут назад.

– В полном, – заверила я, хотя щёки у меня предательски вспыхнули – видимо, всё-таки совсем не в полном. – Просто мой наряд оказался коварнее, чем я полагала. Привыкла, знаете ли, что мне с детства помогают служанки. Вот видите, память ко мне вернулась.

Доктор Говард не сдержал смеха.

– Это, несомненно, прекрасный знак, миледи. Меня это очень радует.

– Поверьте, меня тоже. Уверена, это результат вашего визита, – чуть было не ляпнула «обещания ледяной ванны». – Ваше врачебное искусство уже действует. Не зря вас рекомендовали как лучшего специалиста графства по мигреням, обморокам и истерикам.

Лесть получилась неуклюжей, как мои попытки справиться с горой юбок, и кринж-детектор внутри меня взвыл адской сиреной. Господи, как я буду краснеть, вспоминая сегодняшний день... Чёртов кринолин! Ладно, дальше постараюсь вести себя как леди, а не как звезда Ютуба, танцующая на барной стойке после второго бутылка текилы.

Я всё-таки выкарабкалась из капкана и постаралась поймать приличествующий случаю «тон оф войс». Надеюсь, это любимое заклинание наших маркетологов поможет выкрутить из тупика, в который я сама себя загнала. Я сказала «наших»? Забудь, Эдит, забудь о прошлом... о будущем... о XXI веке... Ты леди, мать твою баронессу Уитон за ногу!

Следующую фразу я произнесла максимально сдержанно, чопорно, с достоинством:

– Ума не приложу, где могла запропасться горничная. Но моё возможное... положение... настолько меня волнует, что я хотела бы как можно быстрее обрести определённую в этом вопросе. Надеюсь, вы простите слабость женской натуры, доктор. Ни разу не рожала, знаете ли.

Кажется, это объяснение доктора удовлетворило. Он, чуть развернувшись, но всё так же избегая прямого взгляда, начал пояснять:

– Конечно, миледи, я понимаю всю грандиозность новости, которую, возможно, вам предстоит услышать. Позвольте же разъяснить, как будет проходить осмотр. Для начала мне

следует осмотреть вашу грудь: изменения молочных желёз, если таковые имеются, помогут составить представление о том, готовитесь ли вы к священной миссии материнства. И лишь затем, если понадобится, мы проведём внутренний осмотр, для чего я воспользуюсь медицинской ширмой...

Он запнулся и всё-таки взглянул на меня – могу поклясться, с любопытством!

– Миледи, прошу прощения, но откуда вы узнали о врачебных зеркалах? Разве вы уже проходили подобную процедуру?

– Матушка рассказывала, – соврала я. – Она мечтает о внуках и подготовила меня к будущим треволнениям.

Ну вот, интрига рассеялась, и доктор успокоился. Его картина мира вернулась в свои берега. Или, точнее, в золочёную раму викторианских понятий.

– Ну что ж, я рад, что ваша матушка столь предусмотрительна... Надеюсь, вас всё это не смутит.

И снова быстрый, короткий взгляд. На лице доктора явственно промелькнула тень сомнения, что в его практике найдётся хоть что-то, способное свергнуть меня в пучины смущения.

– Ах, мне на самом деле так неловко, – врать так уж врать! Понеслась... леди Блэквелл по кочкам. – Из-за переизбытка чувств я веду себя столь нервно. Это всё природная стыдливость, доктор. Волнуюсь!

Лицо Говарда смягчилось.

– Не стоит волноваться, миледи. Я врач, и не причиню вреда вашей природной скромности. Возможно, при осмотре ощущения будут тревожными, неприятными... Вам придётся набраться терпения. Это займёт всего лишь несколько минут.

В ответ я лишь пожала плечами.

– Если это поможет понять, станет ли лорд Блэквелл отцом законного ребёнка, а не только кучи бастардов от актрис, – я переживу.

Ох! Судя по отвисшей челюсти эскулапа, опять я сорвалась в пике. Ладно, постараемся замаять неловкость.

– Я, конечно же, не знаю, есть ли у моего супруга бастарды... – Что я несу?! – То есть я хотела сказать, что такая вероятность существует, но я не интересовалась подробностями его личной жизни... – Заткнись, идиотка! – Ах, доктор, я в таком волнении! Давайте приступим к делу!

– Давайте... – пробормотал Говард.

У меня даже испарина на лбу выступила. Боже, дай мне сил... Я сейчас и правда рухну в обморок, пытаясь выкрутиться со встречи на правильную полосу.

– Вы сказали, надобен осмотр груди? Извольте...

Так, кринолин – это ещё были цветочки. Корсет – вот где ягодка! Как тут вообще предаваться адюльтеру, с такими-то нарядами? Да средневековый пояс целомудрия снять проще! Кажется, я поняла, зачем тут панталончики с разрезом... Не только для естественных нужд... ну реально ж нереально раздеться без прислуги...

Шквал мыслей прервал доктор Говард. Он буквально простонал:

– Миледи...

Я замерла, а Говард медленно выдохнул и провёл пальцами по переносице.

– Миледи, мне кажется, что лучше всё-таки дождаться горничной.

Воцарилось неловкое молчание, и я с досадой признала:

– Вы правы, доктор... Прислуга нынче совсем разбаловалась. Ждём её четверть часа.

Пытаясь сгладить неловкость, доктор подошёл к своему саквоюжу и начал в нём рыться. Достал какую-то склянку, рассмотрел её внимательно, положил обратно. Взял со столешницы скучающий стетоскоп, начал вертеть его в руках. Я стояла посреди комнаты в панталонах, поглядывая то Говарда, то дверь.

И тут меня осенила гениальная идея.

Ну правда, бывают моменты, когда человека посещают потрясающе гениальные мысли. В такие мгновения рождаются идеи поиска новых континентов, запуска космических кораблей, постройки пирамид и эйфелевых башен, создания адронного коллайдера, завоевывания премии Дарвина... Кто на что способен. Начинается всё с фразы «А давайте...»

– А давайте, доктор, вы поможете мне снять корсет? Раз уж Бэтси всё не идёт...

Ответом мне стал громкий звон от соприкосновения бронзы с паркетом. Доктор Говард уронил свой стимпанковский стетоскоп.

В этот момент дверь без стука распахнулась, и в комнату ворвалась Бэтси – бледная, растрёпанная.

– Миледи! Доктор! – выдохнула она, хватаясь за дверной косяк. – Энни... Энн нашли в пруду!

* * *

Ну как вам история, дорогие читатели? Поставьте лайк, если хочется побыстрее заглянуть в новую главу, и поделитесь комментарием!

А наши герои понесутся вперёд – и по встрече, и по кочкам

Глава 2.5. Есть в старом парке чёрный пруд...

Бэтси вцепилась в дверной косяк, как в спасательный круг. Лицо у неё было белым, дыхание сбилось. Сбиваясь, восклицая и обрывая фразы на полуслове, она попыталась донести причину своего ужаса:

– Миледи... там... там... Энн!.. предоставляете, Энн!.. её нашли в пруду. Садовник... он сказал, что увидел её, когда пошёл к воде, а потом... Господи, миледи, она... она не двигается!.. я не знаю, жива ли она вообще, Господи боже...

Доктор Говард, надо отдать ему должное, среагировал мгновенно. Он немедленно встал, быстро закрыл и подхватил саквояж. Мне даже показалось, что он вздохнул с облегчением, что можно прервать осмотр. У меня даже закралось подозрение, что необходимость мчаться спасать чужую жизнь показалась доктору куда более комфортным занятием, чем вступать в бесконечные конфузы с корсетами и кринолинами взбалмошной пациентки.

Коротко извинившись, он стремительно направился к двери, и, мягко отстранив Бэтси, вышел из комнаты. Я услышала, как он говорит в коридоре кому-то из слуг:

– Где пруд? Немедленно ведите меня туда. Может быть, её ещё можно спасти...

Взволнованные голоса и шаги отдалились и затихли.

– Бэтси, что же ты тянешь? – воскликнула я. – Скорее затягивай и застёгивай это безобразие, иначе я побегу в парк без юбки!

Бэтси уставилась на меня так, словно я предложила ей немедленно нырнуть следом за Энн.

– Миледи, но куда же вы? Как можно... ведь вы... вам нельзя... то есть это же... Господин доктор сам...

Но, уловив мой грозный взгляд а-ля «Салтычиха гневается», девушка подбежала и принялась за дело. Я начала лихорадочно упаковывать свою тушку в викторианский наряд, помогая горничной. В две минуты мы не уложились, но на третью я уже вылетела пулей из комнаты, чудом не сломала себе шею на лестнице и догнала доктора на парковой аллее.

– Погодите, доктор!

Говард с удивлением обернулся и одарил меня взглядом, в котором в пряный коктейль смешались профессиональная выдержка и растерянность. К этому взгляду я уже начала привыкать. Но теперь к ним примешивалось и толика раздражения.

– Позвольте, миледи, я вас покину, – доктор, кажется, неправильно истолковал мой порыв. – Сейчас ваша горничная нуждается во мне больше, чем вы. А осмотр... с использованием ширмы, – он сделал лёгкое ударение на этом слове, – мы проведём в другой день.

– Именно, доктор, это моя горничная! Поэтому я иду с вами. И, думаю, нам лучше не идти, а бежать!

Доктор всё же остановился и глянул на меня в упор.

– Боюсь, это будет слишком нервическим зрелищем для вас, миледи... – произнёс он осторожно. – Я бы настоятельно советовал вам остаться здесь.

– А я бы настоятельно советовала вам не тратить время на уговоры!

Он на мгновение задержал на мне взгляд, прищурился, а затем решил, что спорить со мной сейчас дело бесперспективное – и быстрым шагом направился вперёд.

Я последовала за ним, подхватив юбки, а Бэтси, как раз успевшая догнать нас, засемила следом, всё ещё пытаясь меня остановить.

– Миледи, да куда же вы?! Да доктор же говорит!.. Да разве ж это зрелище для леди!.. Да ещё после обморока!

Не слушая, я пыталась не отставать от Говарда. Но Бэтси, ухватив меня за руку, всё же заставил на мгновение сбавить шаг. Я обернулась – девушка смело и упрямо глядела на свою «Салтычиху», прижимая к груди шерстяную шаль.

– Миледи, возьмите хотя бы это! Осень на дворе!

* * *

Парк встретил нас сыростью и холодом. После тёплых комнат Блэквелл-холла воздух казался ледяным. Под ногами хлюпала размокшая земля, скрытая ковром опавших листьев. Дорожка, ведущая к пруду, вилась между старыми деревьями, чьи ветви уже почти оголились, и где-то впереди время от времени мелькали фигуры садовников и слуг.

Сам пруд в ступающей мгле показался бесконечным, inferнальным. Тёмная вода почти сливалась с наступающими сумерками, а у пологого берега уже собрались люди. Кто-то принёс фонарь, и его жёлтый свет дрожал на воде, выхватывая из серой мглы мокрую траву, корни старой ивы и неподвижное тело на берегу.

Энн лежала на спине, и от одного взгляда на неё мне стало не по себе. Платье облепило тело, тёмные волосы прилипли к щекам, с подола и рукавов ещё стекала вода. Садовник стоял неподалёку, переминаясь с ноги на ногу и беспрестанно снимая шапку. Бедняга никак не мог решить, что сейчас приличнее: держать её в руках или надеть обратно.

– Я нашёл её здесь, миледи, – пробормотал он, едва мы подошли. – Клянусь, я только пришёл к пруду и увидел...

Говард жестом остановил его, присел возле тела и принялся осматривать Энн.

Я невольно отошла на шаг, наблюдая за действиями доктора. Он действовал сосредоточенно, я же то и дело бросала взгляд то на темнеющую глубину парка, то на подбегающих слуг, то на садовника. Отметила мимоходом, что нервничал он изрядно -и трясся, как осиновый лист. Впрочем, после обнаружения трупа любой нормальный человек выглядел бы нервным.

– Есть в графском парке старый пруд, – побормотала я, глядя на неподвижное тело горничной.

Вышло без рифмы, потому что я невольно перешла на английский. Я вообще тут уже второй день как говорю и думаю на этом языке. Причём откуда-то знаю даже такие явно нехарактерные для XXI века слова, как «регулы». Зато характерные для XIX-го.

– В графском? – переспросил Говард, подняв голову.

Он посмотрел на меня с таким выражением, что я сразу поняла причину его недоумения.

– При чём здесь графский парк, миледи, если это поместье виконта Блэквелла?

Ага. Точно. Он уже подозревает, что после обморока я забыла не только приличия, но и титул собственного мужа. Возможно, заодно и свой.

А я, кстати, только что узнала.

Говард снова склонился над Энн. Он осторожно повернул голову девушки и задержал пальцы на шее. Я наблюдала за его лицом и заметила, как между бровей обозначилась складка.

– Вы что-то нашли, доктор? – спросила я.

Он сразу не ответил, хмурясь и покусывая губы.

– Пока ничего определённого, – наконец произнёс доктор, поднимаясь. – Мне нужно осмотреть её при хорошем свете.

А света становилось всё меньше. Сумерки за несколько минут уступили место вечерней тьме. Фонари в руках садовника и слуг казались теперь слишком маленькими для этого огромного, промокшего парка, а холод пробирался под шаль.

В этот момент со стороны главной аллеи послышался топот копыт.

К пруду на полном ходу приближались два всадника. Первый резко осадил лошадь, прыгнул на землю ещё до того, как она окончательно остановилась, и быстро направился к нам. Второй джентльмен спешил следом.

В первом всаднике я узнала Альберта – прежде, чем он подскакал и спешился; его спутник, полноватый мужчина лет сорока, был мне незнаком.

Лорд Блэквелл окинул взглядом пруд, людей на берегу и лежавшую у воды Энн.

– И что тут происходит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.